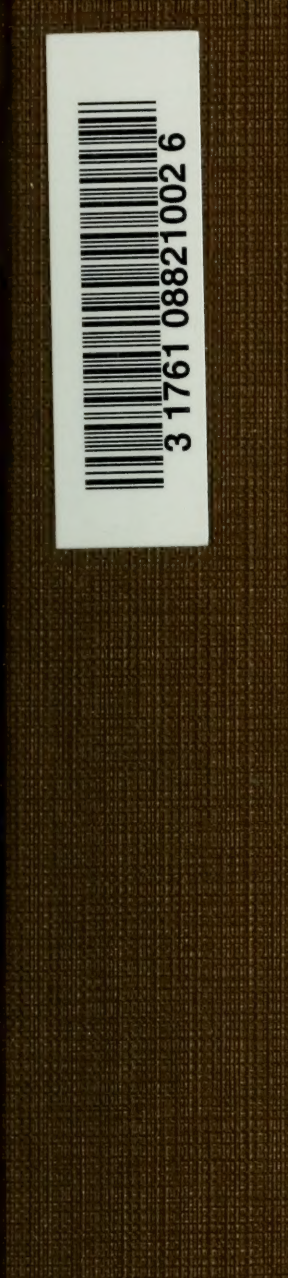
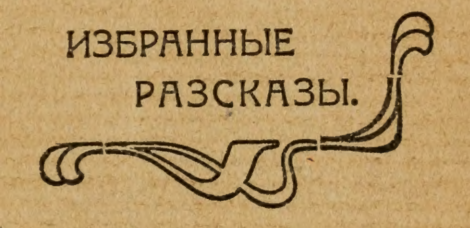

3 1761 08821002 6

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

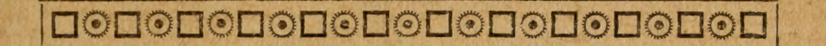

Изданіе редакціи журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“.
1913.

„Т-во Худож. Печати". Спб., Ивановская, 14.

ИЗБРАННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

РАННІЙ БАТЮШКА.
Я... я... я!
ВОЛЧЬЯ ПѢСНЯ.
МОНЕТКА.

РАННІЙ БАТЮШКА.

Разсказъ.

I.

Ранняя обѣдня кончилась въ седьмомъ часу. По лѣтнему времени богомольцевъ было совсѣмъ мало, и староста Семенъ Ефремычъ кивкомъ головы показалъ о. Ивану на двѣ кучки мѣдяковъ, стоявшихъ отдѣльно на его старостинскомъ прилавкѣ:—это была вся лепта пастырю.

— Что же, и это деньги,—замѣтилъ съ улыбкой о. Иванъ.

Псаломщикъ Кононовъ былъ другого мнѣнія и хмуро молчалъ.

— Ничего, потерпите до осени, батюшка, когда народъ соберется въ Москву со всѣхъ сторонъ,—утѣшалъ староста, подсчитывая свою свѣчную выручку.—Лѣтомъ-то у насъ въ Москвѣ, какъ въ угарной избѣ... Мода завелась на дачи разъѣзжаться. Ну, господа по имѣньямъ да по дачамъ, а за ни-

ми моду приняли и другіе мелкопитающіе народы... На что наши купцы, и тѣ на дачи потянулись. Вотъ и не стало кому Богу молиться...

О. Ивану нравилось, какъ говорилъ Семенъ Ефремычъ—обстоятельно, разсудительно. Ему было подъ шестьдесятъ, но для своихъ лѣтъ онъ замѣчательно сохранился, и въ бородѣ едва сквозила старческая сѣдина. Одѣвался онъ по старинному—въ длиннополый сюртукъ, шею туго заматывалъ шелковой косынкой, носилъ сапоги бутылкой и суконный картузъ. У него гдѣ-то была желѣзная торговля около Ильинки, и черезъ псаломщика о. Иванъ зналъ, что Семенъ Ефремычъ человѣкъ съ капиталомъ, хотя и скрывалъ послѣднее обстоятельство. Вообще, человѣкъ обстоятельный, строгій и богомольный. Между прочимъ, о. Ивану нравилось въ немъ больше всего то, что онъ походилъ на одного рязанскаго купца, которому онъ продавалъ хлѣбъ.

— Ничего, подождемъ,—еще разъ согласился о. Иванъ.

Старостѣ, въ свою очередь, нравился о. Иванъ, какъ настоящій деревенскій батюшка. Древній человѣкъ, за семьдесятъ годовъ, а не хочетъ чужой хлѣбъ ѣсть. Нра-

вился Семену Ефремычу и покладистый характеръ о. Ивана, и его добродушіе, и даже костюмъ—вотъ этотъ старый-старый подрясникъ съ заплатками на локтяхъ и выцвѣтшая люстриновая ряска, по оплечью вся рыжая, и разношенная, широкополая, настоящая поповская шляпа, и деревенской работы тяжелые сапоги. Не то, что московскіе шелковые попы, которые носятъ поштатски, на выпускъ, крахмальные воротнички и совсѣмъ гражданскія шляпы.

— Сынка скоро поджидать будете, о. Иванъ?—проговорилъ Семенъ Ефремычъ, когда о. Иванъ протянулъ руку проститься.

— Не скоро еще, Семенъ Ефремычъ... За границу онъ уѣхалъ.

— Человѣкъ извѣстный по Москвѣ и даже весьма... Въ коляскѣ ѣздитъ и собственнаго рысака имѣетъ. У кучера на спинѣ часы... Все въ аккуратѣ, какъ слѣдуетъ настоящему барину.

О. Иванъ улыбался и вздыхалъ, когда говорилъ о сынѣ. Давненько онъ не видалъ его, лѣтъ съ двадцать, пожалуй, теперь и не узнать... Когда старикъ вышелъ изъ церкви, псаломщикъ Кононовъ улыбнулся.

— Нечего сказать, хорошъ сынокъ,—замѣтилъ онъ,—самъ на рысакахъ жаритъ, а родитель на своихъ на двоихъ...

— Не наше это дѣло,—строго отвѣтилъ староста. — Удивляюсь только одному, сколько въ тебѣ этой самой злости... Ну, какое намъ дѣло?

— Я такъ, къ слову... Старику ужъ пора на покой.

— И то на покоѣ. Свои тридцать пять лѣтъ выслужилъ и пенсію получаетъ...

Псаломщикъ фыркнулъ.—Хороша пенсія: три съ полтиной въ мѣсяцъ. Хорошую курицу впору накормить!..

— А много ли старичку нужно?—заговорилъ староста, разсерженный этимъ глупымъ смѣхомъ.—Онъ еще въ силѣ и вполнѣ можетъ для Господа Бога потрудиться.

О. Иванъ, выходя изъ церкви, всегда останавливался на паперти и изъ-подъ руки смотрѣлъ на Москву. Церковь стояла на пригоркѣ, и весь городъ былъ какъ на ладони, съ его глубокимъ переплетомъ улицъ, каменными глыбами громадныхъ, новыхъ домовъ и безчисленными церквами. Сейчасъ свѣтило яркое лѣтнее солнце, и надъ городомъ сгущалась пыльная, тяжелая мгла. Деревенскій старичекъ-священникъ былъ въ Москвѣ въ первый разъ и не могъ насмотрѣться.

— Благодать!...—шепталъ онъ восторженно.

После службы о. Иванъ не торопился къ чаю, хотя самоваръ уже ждалъ его на столѣ. Онъ нарочно дѣлалъ крюкъ по бульвару, чтобы пройти мимо того дома, въ которомъ жилъ его сынъ. Домъ былъ отличный, недавно построенный, со всѣми прихотями богатаго московскаго барства. Съ бульвара о. Иванъ сворачивалъ на тротуаръ, чтобы пройти мимо подъѣзда и прочитать прибитую къ массивнымъ дубовымъ дверямъ дощечку: *Сергѣй Ивановичъ Августовъ*. Это удовольствіе можно было позволить себѣ только рано утромъ, пока не было въ сосѣднемъ подъѣздѣ усатаго и толстаго швейцара. Разъ онъ поймалъ о. Ивана на мѣстѣ преступленія и строго спросилъ:

— Вамъ кого нужно, батюшка?

— А я такъ... да...

— Сергѣй Иванычъ за границей... Можетъ, вы по дѣлу?

— Да, есть маленькое дѣльце, только оно успѣется...

Швейцаръ иронически посмотрѣлъ на ранняго батюшку и отвернулся.

Про себя о. Иванъ называлъ этотъ домъ «Сережинымъ домомъ» и часто любовался имъ. Ужъ гдѣ же и жить умнымъ людямъ, какъ не въ Москвѣ? Вотъ Сережу и Сте-

панъ Ефремычъ знаетъ, и швейцаръ, и городовой на углу бульвара. Самую Москву о. Иванъ особенно любилъ именно потому, что въ ней жилъ Сережа. Здѣсь онъ учился, здѣсь началъ служить и здѣсь вышелъ въ люди. Однимъ словомъ, Москва его сдѣлала настоящимъ человѣкомъ.

— Остается еще сорокъ семь денъ, когда пріѣдетъ Сережа,—считалъ онъ, подходя къ своей квартирѣ въ одномъ изъ кривыхъ переулковъ, какъ ручейки впадавшихъ въ Поварскую.—Да, скоро...

Пріѣхавъ въ Москву, о. Иванъ не рѣшился остановиться прямо у сына, чего ему не совѣтовалъ и племянникъ о. Георгій, молодой да изъ раннихъ, академикъ и законоучитель въ женскомъ институтѣ. О. Георгій уѣзжалъ на лѣто на Кавказъ отдохнуть и пригласилъ старика дядю замѣнить пока его, тѣмъ болѣе, что состоявшій раньше при ихъ церкви ранній батюшка скончался, и его мѣсто оставалось свободнымъ. По указанію о. Георгія, старикъ остановился у просвирни Анны Александровны, приходившейся ему какой-то родственницей по женѣ о. Георгія. Старушка жила въ церковномъ домѣ и рада была жильцу. Все же не одна, да и заработаетъ малую толику, а можетъ, о. Иванъ и со-

всѣмъ останется въ Москвѣ, — тогда еще будетъ лучше.

Самоваръ, дѣйствительно, кипѣлъ на столѣ, когда о. Иванъ вошелъ въ свою комнату.

— Богъ милости прислалъ, Анна Александровна,—поздоровался о. Иванъ, снимая ряску и смахивая съ нея платкомъ пыль.

— Покорно благодарю, о. Иванъ,—пѣвуче отвѣтила старушка изъ сосѣдней комнаты, гдѣ управлялась у русской печи.

Это была худенькая старушка, по-старинному повязывавшая голову темнымъ старушечьимъ платкомъ съ бѣлыми горошинами... Сморщенное, потемнѣвшее лицо глядѣло еще живыми глазами, и его портилъ только беззубый, ввалившійся ротъ. У Анны Александровны вѣчно что-нибудь болѣло, и она вѣчно лечилась какими-то домашними таинственными средствами. Къ ней часто заходили такія же старушки, страдавшія такими же болѣзнями. Онѣ пили вмѣстѣ кофе съ гущей и дѣлились московскими вѣстями. А Москва велика, было о чемъ поговорить. Можетъ быть, даже репортеры московскихъ газетъ не знали такъ Москву, какъ вотъ эти старушки, которымъ, кажется, и дѣла-то ни до кого не

было. Пріѣхавшій изъ Рязанской губерніи о. Иванъ служилъ тоже темой для самаго тщательнаго изслѣдованія, и его прошлое, настоящее и будущее было подвергнуто безпощадному анализу. Кстати были наведены самыя подробныя справки и относительно Сережи, причемъ знаменитый московскій дѣлецъ не былъ одобренъ.

II.

Напиться послѣ обѣдни чайку для о. Ивана представляло величайшее наслажденіе. А тутъ еще и просвирка московская, бѣлая, мягкая, душистая. Усаживаясь къ своему столику у окна, старикъ чувствовалъ себя, какъ будто дома, хотя дома чай былъ не всегда, особенно, когда учились дѣти, и когда приходилось беречь каждый грошъ. А тутъ хоть весь самоваръ выпей одинъ...

— Анна Александровна, чайку чашечку?—проговорилъ о. Иванъ, вытирая потъ «съ чела» послѣ третьяго стакана.

—Сейчасъ...

Старушка успѣла управиться со своей стряпней и знала впередъ, что ранній батюшка пригласитъ ее «на чашку чаю». Она наскоро пріодѣлась и вышла.

— Садитесь, пожалуйста, матушка..

— Благодаримъ покорно.

— А ужъ чайку налейте сами, милая... Какъ-то не привыкъ я къ этому, да и не мужское это дѣло... Бывало, покойница жена все дѣлала сама. И все говорила покойница: «Вотъ выслужишь пенсію, тогда къ сыну въ Москву поѣдемъ». А Господь и не привелъ... Мысли-то за горами, а смерть за плечами...

— Ужъ пять лѣтъ, какъ матушка кончилась? То-то, поди, тосковала, что не увидитъ сынка!.. Одинъ, вѣдь, онъ у васъ, какъ перстъ.

— Что дѣлать, такъ Богу угодно...

— Это ужъ дѣйствительно... А все-таки жаль.

Анна Александровна пила чай въ прикуску и каждый разъ поворачивала выпитую чашку верхъ дномъ. О. Ивану, несмотря на всю его деревенскую простоту, казалось, что она какъ будто чего-то не договариваетъ, хотя ему и было пріятно, когда заходила рѣчь о Сережѣ.

— Двѣ съ половиной тыщи за квартиру платитъ, — разсказывала Анна Александровна.—Да... Нельзя, потому какъ женился онъ на внучкѣ князя Ашметьева. Настоящій былъ князь, и Сергѣю Иванычу нельзя себя оказать ниже. Строгая дама Варвара

Петровна и весь домъ держитъ въ струнѣ. Сама-то она больше за границей проживаетъ, на теплыхъ водахъ, все лечится, а дома правитъ старая нянька, старуха девяноста лѣтъ. Грушей ее звать... Злющая старуха. Ну, а Сергѣй Иванычъ больше по своимъ дѣламъ.

О. Иванъ слушалъ все, немного склонивъ голову на-бокъ. Не любилъ онъ этихъ бабьихъ пересудовъ и бабьихъ шопотовъ.

— Добрый Сергѣй-то Иванычъ, — не унималась Анна Александровна.—Да и дома-то только спитъ... А у меня есть знакомая этой самой Груши, жена, значитъ, старшаго дворника, Гаврилы Ермолаича. На вѣстяхъ все дѣло, какъ и что, и къ чему.

Не нравились подобные разговоры о. Ивану, и онъ старался отмалчиваться. Удивительно только, откуда все это бабы вызнаютъ. Какъ на блюдечкѣ поднесутъ всю подноготную.

Анна Александровна замѣтила, что сегодня о. Иванъ какъ-то особенно упорно молчалъ, хмурилъ брови и моргалъ глазами. Кажется, ужъ она-то его не обидѣла. Сдѣлайте милость, для него же хлопотала, а онъ фыркаетъ...

— Передъ вами служилъ о. Яковъ раннимъ батюшкой, — тянула Анна Але-

ксандровна.—Конечно, не мое дѣло, а вышло такое же подобное... Значитъ, у него была дочь, ну, вышла замужъ за аптекаря..

— Достоуважаемая Анна Александровна, оставьте!..—просилъ о. Иванъ.—Не наше дѣло... Изъ семьи соръ не выносятъ... А что касается Сережи, такъ, вѣдь, я его двадцать лѣтъ не видалъ.

— Вотъ, вотъ, и тамъ такъ же было! Тоже двадцать лѣтъ... А старикъ пріѣдетъ—дома нѣтъ, напишетъ письмо—отвѣта нѣтъ. Москва матушка, кого хочешь, того и затемнитъ. Изступленіе ума...

Сегодня, какъ и всегда, эти разговоры кончились о. Георгіемъ. Анна Александровна расписала его въ лучшемъ видѣ, какъ новаго батюшку, который все по новому дѣлаетъ.

— Сама изъ духовнаго званія и могу вполнѣ понимать, что и къ чему,—увѣряла старушка.—Родной человѣкъ, а только не то... Ласковый, привѣтливый, вотъ-вотъ на мелкія части разсыплется... А все не то. Ученый онъ, умный, а прежде какъ будто и лучше было.

У Анны Александровны на всякій случай былъ свой примѣръ. «Вотъ точно такой случай вышелъ въ Таганкѣ», и т. д. «А въ прошломъ году въ Замоскворѣчьѣ одинъ

купецъ тоже рыбной костью подавился, а въ Грузинахъ одна дьяконица тройни родила». Конечно, ближе всего для Анны Александровны были интересы своего духовнаго круга, и она наперечетъ знала почти всѣхъ московскихъ поповъ и дьяконовъ.

— Охъ, ужъ наши московскіе-то попы! И не выговоришь,—повторяла она, качая головой.—Ну, которые старики, такъ тѣ по правильному живутъ, по старинѣ... А вотъ молодые-то, такъ и не примѣнишь ихъ ни къ чему. Вѣдь совсѣмъ молодой, а глаза-то все ищутъ, все ищутъ... И все-то имъ мало, и ничего-то они не боятся. Прежде, бывало, гдѣ-нибудь на Пречистенкѣ или на Поварской въ настоящемъ барскомъ домѣ попа и сѣсть не пригласятъ, а нашъ о. Георгій очень даже свободно спорится съ самыми настоящими господами. Совсѣмъ безстрашные попы начались... А службу все полегче стараются сдѣлать, чтобы барынь не утомить. Прежде протопопы по пятымъ этажамъ ходили съ молитвой, а нынче все ранніе батюшки за нихъ службу по приходу служатъ. Ну, а раннему батюшкѣ какая цѣна: дали ему рубль, а то и полтину.

Благодаря женской болтливости хозяйки, о. Иванъ въ теченіе какого-нибудь одного мѣсяца зналъ московское духовенство

обстоятельно, точно жилъ всю жизнь въ Москвѣ. Конечно, почтенная Анна Александровна иногда увлекалась и страдала слабостью украшать слогъ за свой личный счетъ, но и за вычетомъ этихъ вставочныхъ элементовъ получалась яркая и характерная картина. Раздумавшись о собственномъ прошломъ, о. Иванъ только вздыхалъ. Охъ, сколько онъ всякой бѣды хлебнулъ на своемъ вѣку!.. Приходъ бѣдный, народъ голодный, только и выручала своя крестьянская работа. Поработалъ въ свое время и Сережа, когда пріѣзжалъ на каникулы домой. Очень даже хорошо косилъ. А тутъ въ Москвѣ совсѣмъ другое. Впрочемъ, о. Иванъ не желалъ завидовать другимъ, считая это грѣхомъ.

— Нѣтъ, не ропщу, Анна Александровна,—говорилъ онъ.—Если бы пришлось родиться снова и выбирать службу,—опять пошелъ бы въ свою Рязанскую губернію.

Сегодня велись за чаемъ обычные разговоры, и когда все уже было кончено, Анна Александровна вдругъ спохватилась.

— Да что же это я? Послѣдняго ума рѣшилась, старуха... Да не глупая ли!.. Даве бѣгу утромъ въ мелочную лавочку, а въ воротахъ чуть лбомъ не стукнулась съ почтальономъ, а онъ мнѣ письмо подаетъ.

Ни отъ кого я писемъ не получала отродясь и даже испугалась. А письмо-то вамъ, о. Иванъ... Ахъ, я, глупая, глупая!..

О. Иванъ тоже не получалъ писемъ по цѣлымъ годамъ и сильно взволновался. Какъ на грѣхъ, письмо куда-то запропастилось и Анна Александровна едва его нашла.

— Вотъ оно, о. Иванъ... Ахъ, какой грѣхъ вышелъ!..

По привычкѣ старыхъ людей, о. Иванъ предварительно осмотрѣлъ письмо съ внѣшней стороны, потомъ надѣлъ круглыя очки въ мѣдной оправѣ и ножичкомъ вскрылъ конвертъ. Письмо было отъ о. Георгія, который извѣщалъ изъ Кисловодска, что Сергѣй Иванычъ изъ-за границы пріѣхалъ туда лечиться и скоро вернется въ Москву, куда его «призываютъ дѣла».

— Что же самъ-то Сергѣй Иванычъ не написалъ?—замѣтила Анна Александровна.—Слава Богу, грамотный. О. Георгій страсть любитъ письма писать..

О. Иванъ ничего не отвѣтилъ, а только поджалъ губы и подавленно вздохнулъ. Онъ разсердился на неумѣстное вмѣшательство Анны Александровны въ его личныя дѣла. Какое ей дѣло до Сережи? Человѣкъ, мо-

жетъ быть, по горло заваленъ срочной работой, а онъ, о. Иванъ, подождетъ. Некуда торопиться.

III.

Лѣто прошло быстро, наступала осень, а Сергѣй Ивановичъ все еще не вернулся въ Москву. На Кавказѣ все лѣто онъ пилъ какія-то воды, а осенью пріѣхалъ въ Крымъ, чтобы провести сезонъ въ Ялтѣ. О. Георгій пріѣхалъ въ августѣ и много разсказывалъ о Кавказѣ. Это былъ совсѣмъ еще молодой священникъ, любезный и ловкій. О. Иванъ почему-то его побаивался, какъ вообще всю жизнь боялся всякаго начальства. Одно ужъ то, что о. Георгій кончилъ академію,—чего стоило. О. Иванъ едва кончилъ въ семинаріи философію и на этомъ основаніи чувствовалъ себя передъ академикомъ сущимъ ничтожествомъ. Помилуйте—академикъ... Можетъ быть впослѣдствіи архіереемъ, хотя Анна Александровна въ послѣднемъ и сомнѣвалась.

— Сергѣй Иванычъ скоро пріѣдетъ,— утѣшалъ о. Георгій своего старика дядю.— Ему нужно отдохнуть послѣ зимней работы. Человѣкъ громаднаго ума, и нервы начинаютъ пошаливать...

— А что такое нервы, о. Георгій?—недо-

умѣвалъ о. Иванъ.—Какая-нибудь новая, модная болѣзнь?

— Сіе можно понимать двояко, дядюшка: и болѣзнь такая есть, съ одной стороны, а съ другой... Видали вы ребячью игрушку, паяца, какъ онъ прыгаетъ на ниточкахъ? Вотъ и въ человѣкѣ проведены такія же ниточки, и онъ тоже прыгаетъ, когда его потянутъ за такую ниточку.

О. Георгій старался выражаться понятнѣе и любилъ прибѣгать къ сравненіямъ, На стараго деревенскаго попа онъ смотрѣлъ, какъ на большого ребенка.

Въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ о. Иванъ «вызналъ» Москву, и чѣмъ дальше подвигалось это знаніе, тѣмъ страшнѣе ему дѣлалось. Господи, какъ страшно живутъ люди!.. По обязанностямъ священника ему приходилось посѣщать и барскія палаты и купеческія хоромины, а главнымъ образомъ, конечно, подвалы и чердаки, гдѣ ютилась столичная бѣдность, и гдѣ его духовная помощь была особенно нужна. Много онъ насмотрѣлся на своемъ вѣку на деревенскую бѣдность, но это было не то. Тамъ, въ деревнѣ, оставалась какая-нибудь надежда впереди, а здѣсь не было даже завтрашняго дня. Рядомъ безумная и безсмысленная роскошь и рядомъ безнадежная ни-

щета. Каждый громадный московскій домъ начиналъ казаться о. Ивану каменнымъ чудовищемъ, которое давило эту подвальную бѣдность своими богатыми этажами. Какія слезы онъ видѣлъ, какое горе, какую безвыходную нужду!.. И это въ каждомъ домѣ, на каждой улицѣ. А больше всего старика удивляло то, что богатые люди относились къ окружавшей ихъ бѣдности совершенно безучастно. Одинъ почтенный старичокъ откровенно объяснялъ о. Ивану, что, вѣдь, всѣмъ не поможешь.

— Никакого капиталу не хватитъ, батюшка. Каждый ужъ самъ о себѣ долженъ заботиться.

— Да, конечно...—соглашался о. Иванъ, хотя по-своему и думалъ совершенно иначе.

Онъ какъ-то перестал̆ъ понимать многое, что творилось у него сейчасъ передъ глазами, и даже началъ сомнѣваться въ томъ, правильно ли идутъ его собственныя мысли. Можетъ быть, купецъ и правъ... Пробовалъ о. Иванъ заводить разговоры на эту тему со старостой Семеномъ Ефремычемъ, какъ настоящимъ кореннымъ москвичемъ, но тотъ отдѣлывался неопредѣленными отвѣтами.

— Не нами вся эта музыка налажена, о.

Иванъ, не нами и кончится... А промежду прочимъ всѣ мы, дѣйствительно, люди весьма грѣшные...

Подумавъ немного, Семенъ Ефремычъ прибавлялъ уже другимъ тономъ:

— И всѣ мы помремъ, о. Иванъ, а только мало кто объ этомъ самомъ имѣетъ свое понятіе...

Староста постоянно думалъ о смерти, и эта мысль преслѣдовала его въ разныхъ формахъ.

По своей службѣ о. Иванъ познакомился съ другими ранними батюшками, которые служили, какъ и онъ, раннія обѣдни. Все это были сельскіе священники изъ смежныхъ губерній, выслужившіе свой пенсіонный срокъ, и большинство изъ нихъ—бобыли. Сельскіе матушки перемерли, оперившіеся поповичи и поповны разлетѣлись въ разныя стороны, старыя гнѣзда опустѣли... Приходилось кормиться въ Москвѣ на подножномъ корму. Всѣ эти ранніе батюшки походили одинъ на другого, какъ монеты одного чекана, и всѣ даже одѣвались одинаково,—тѣ же выцвѣтшія люстриновыя ряски, тѣ же подрясники съ заплатами, тѣ же деревенской работы тяжелые сапоги. Въ общемъ, выражаясь техническимъ языкомъ, это былъ отработанный паръ сель-

скаго священства, добре потрудившійся на родныхъ нивахъ и словомъ и дѣломъ.

Ранніе батюшки, встрѣчаясь, любили поговорить и вспомнить старинку. «А вотъ у насъ въ Тульской губерніи были приходы—умирать не надо!»—«А наша Калужская губернія плохая», и т. д. Старики вспоминали свои покинутыя гнѣзда, вздыхали и подолгу говорили о томъ, какъ будутъ люди послѣ нихъ жить. Квартиры—приступу нѣтъ, дрова—не подходи, харчъ—страшно и подумать, за все подавай круглую копеечку, да все купи. По деревнямъ и то вездѣ смута идетъ, всякій хочетъ лучше другого жить, да еще похвастаться, вотъ, молъ, какіе мы есть отличные люди. Въ этихъ разговорахъ доставалось и Москвѣ матушкѣ.

— Весь развратъ изъ Москвы идетъ,—судачили батюшки.—Въ Москвѣ дрова рубятъ, а въ деревню щепки летятъ...

О настоящихъ московскихъ попахъ старики говорили рѣдко, когда придется къ слову. Они всѣ были въ прошломъ и скоро узнали всю подноготную другъ друга. Кто гдѣ служилъ, сколько было дѣтей и гдѣ пристроены, когда и отъ какой болѣзни умерла матушка, и т. д. У каждаго находилось какое-нибудь домашнее застарѣлое

горе, своя забота и свои надежды. Эти старческія надежды были особенно трогательны.. Кажется, ужъ и надѣяться не на что, а люди все надѣются.

— Вамъ хорошо, о. Иванъ, когда у васъ въ Москвѣ сынъ,—откровенно завидовали батюшки. — Вотъ пріѣдетъ съ кислыхъ водъ, и, дастъ Богъ, устроитесь...

— Еще неизвѣстно, какъ онъ меня приметъ,—скромничалъ о. Иванъ.—Давно не видались...

— Ужъ приметъ... А вотъ у насъ такъ никѣмъ никого нѣтъ, ну, значитъ, некому и принимать. Вашъ-то сынокъ извѣстный человѣкъ въ Москвѣ, и даже въ вѣдомостяхъ о немъ пишутъ, что вернулся, молъ, изъ-за границы Сергѣй Иванычъ Августовъ.

Изъ раннихъ батюшекъ о. Иванъ особенно близко сошелъ съ о. Евгеніемъ, изъ Владимірской губерніи. Это былъ такой же тихій и скромный старичекъ, какъ и о. Иванъ. Разъ о. Иванъ пригласилъ его на перепутьи къ себѣ выпить стаканъ чаю. Но о. Евгеній какъ будто смущался и даже спросилъ:

— Удобно ли сіе будетъ?

— Т. е. какъ это—удобно?

— Вѣдь не у себя дома живете, о. Иванъ...

Это подозрѣніе оправдалось въ самой яркой формѣ. Анна Александровна «сочинила» настоящій бунтъ. Во-первыхъ, она удивительно долго ставила самоваръ, во-вторыхъ, все время что-то ворчала себѣ подъ носъ и, въ-третьихъ, проявила какую-то строптивость и даже грубость.

— Вы не совсѣмъ здоровы, Анна Александровна? — спросилъ смущенный о. Иванъ, проводивъ гостя.

— А вы думаете, о. Иванъ, что у меня постоялый дворъ, и что всякая коричневая рвань можетъ ко мнѣ лѣзть?

— Позвольте, Анна Александровна!..

— Нѣтъ, ужъ вы позвольте, о. Иванъ! Вы этакъ со всей Москвы соберете ранних батюшекъ, и я должна всѣмъ самовары ставить? Извините, пожалуйста! У меня мужъ, хоть и былъ только дьяконъ, такъ онъ семинарію кончилъ и въ провинціи могъ бы быть благочиннымъ, но не пожелалъ. И я стану прислуживать какимъ-то деревенскимъ попамъ!..

Однимъ словомъ, всегда вѣжливая и, повидимому, очень добродушная старушка «расхарахорилась» ни съ того ни съ сего и огорчила о. Ивана до глубины души, глав-

нымъ образомъ, тѣмъ, что попрекнула раннихъ батюшекъ деревенщиной и проявила спеціально московскую гордость духа. О. Иванъ почувствовалъ себя въ Москвѣ совершенно чужимъ человѣкомъ и невольно вспомнилъ свою родную Рязанскую губернію.

— Это въ ней Москва отрыгнулась, — объяснялъ себѣ о. Иванъ поступокъ Анны Александровны.—И даже весьма неделикатно отрыгнулась... А впрочемъ, скоро пріѣдетъ Сережа, да и свѣтъ не Анной Александровной сошелся, какъ клиномъ. Богъ съ ней, вообще...

Но этимъ дѣло не кончилось. Встрѣтившись съ о. Евгеніемъ, о. Иванъ почувствовалъ, что старикъ какъ будто обидѣлся и какъ будто сердится на него же. А при чемъ же онъ тутъ?

IV.

Онъ, наконецъ пріѣхалъ...

Это извѣстіе принесла Анна Александровна отъ о. Георгія, который въ «вѣдомостяхъ» вычитывалъ пріѣзды всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, знаменитыхъ врачей и разныхъ дѣльцовъ. Анна Александровна страшно волновалась и имѣла какой-то, заискивающе-сконфуженный видъ.

— Ужъ вы меня, о. Иванъ, пожалуйста, извините!..—бормотала она виноватымъ голосомъ. — Извѣстно, слабая наша женская часть... Не удержишься, и сболтнешь лишнее.

— Да вы о чемъ, достопочтенная Анна Александровна?

— А какъ же... ну, тогда, когда привели вы этого о. Евгенія.

—Ахъ, да... Оставимте сіе! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Въ порывѣ раскаянія, Анна Александровна даже поцѣловала руку у о. Ивана, а затѣмъ быстро принялась снаряжать его въ походъ. Изъ чемодана былъ вынутъ новый люстриновый подрясникъ и новая люстриновая ряска, которые о. Иванъ надѣвалъ только въ первый день Пасхи.

— Вотъ и отлично, — одобряла Анна Александровна.—Хоть и сынъ, а порядокъ прежде всего... Тоже и его не нужно конфузить. А сноха-то все разсмотритъ бабьимъ дѣломъ и можетъ осудить бабьимъ дѣломъ...

Одѣвшись во все новое, о. Иванъ въ какомъ-то изнеможеніи присѣлъ на стулъ и проговорилъ:

— Не лучше ли будетъ, если я пойду къ Сережѣ завтра?..

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Что вы говорите, о. Иванъ! Сейчасъ нужно идти, и я даже провожу васъ до самаго дома. Пока вы тамъ будете, я подожду васъ на тротуарѣ...

Послѣднее предложеніе о. Иванъ отклонилъ, но, движимая неистовымъ женскимъ любопытствомъ, Анна Александровна все-таки пошла за нимъ. Конечно, сдѣлала она это незамѣтно и слѣдила за жильцомъ издали. О. Иванъ шелъ мелкой стариковской походкой, не оглядываясь. Было уже одиннадцать часовъ утра. Сѣялъ мелкій осенній дождь. Поровнявшись съ «Сережинымъ домомъ», о. Иванъ остановился въ нерѣшимости передъ подъѣздомъ и... зашагалъ дальше. Это малодушіе возмутило Анну Александровну до глубины души. Что онъ, въ самомъ-то дѣлѣ, сына родного боится, точно идетъ къ архирею!

О. Иванъ, дѣйствительно, предался малодушію. Ему казалось, что всѣ прохожіе наблюдаютъ за нимъ, а швейцаръ изъ сосѣдняго подъѣзда смотритъ на него какъ будто насмѣшливо. Дойдя до угла улицы, о. Иванъ остановился, подумалъ и рѣшительнымъ шагомъ вернулся назадъ. Онъ смѣло миновалъ швейцара и смѣло позвонилъ у завѣтнаго подъѣзда. У него захоло-

нуло на душѣ, когда послышались шаги, и дверь пріотворилась.

— Вамъ кого нужно?—довольно грубо спросилъ представительный лакей во фракѣ, оглядывая о. Ивана съ ногъ до головы.

— Мнѣ Сережу... т. е. Сергѣя Ивановича... Онъ дома?

— Да, дома... Какъ о васъ прикажете доложить?

— Да какъ доложить... Скажите, что отецъ изъ Рязанской губерніи пріѣхалъ.

Лакей сразу измѣнился и уже другимъ тономъ проговорилъ:

— Вотъ пожалуйте, батюшка, сюда въ пріемную, я пойду доложить...

Пріемная Сережи представляла громадную комнату, убранную съ дѣловой роскошью. Стѣны были оклеены темными, тиснеными подъ кожу обоями, массивная мебель изъ чернаго дуба обита темнозеленой кожей, громадный вычурный столъ походилъ на бильярдъ, а стоявшее за нимъ еще болѣе вычурное кресло походило на архіерейское «мѣсто», гдѣ-нибудь въ алтарѣ каѳедральнаго собора. Нѣсколько шкафовъ съ книгами, большая картина на стѣнѣ, по угламъ двѣ мраморныхъ статуи, на полу громадный персидскій коверъ — все было устроено на

настоящую барскую ногу. О. Иванъ не смѣлъ даже присѣсть и стоялъ посреди пріемной, повертывая въ рукахъ свою разношенную поповскую шляпу. Его вниманіе было приковано къ открытой двери, въ которую вышелъ лакей и въ которую можно было разсмотрѣть другой кабинетъ, устроенный съ еще большей роскошью.

— Двадцать лѣтъ не видались...—думалъ старикъ, припоминая послѣднюю карточку Сережи, гдѣ онъ снялся пятидесятилѣтнимъ мужчиной, съ двумя учеными значками на правомъ борту сюртука.

Гдѣ-то слышались шаги и чей-то шопотъ. Пустившій о. Ивана лакей пробѣжалъ по второму кабинету съ встревоженнымъ лицомъ, потомъ въ дверяхъ показалось сморщенное старушечье лицо, потомъ послышались опять шаги и шопотъ. Очевидно, появленіе о. Ивана всполошило весь домъ, и старикъ пожалѣлъ, что сгоряча послушался совѣта Анны Александровны. Нужно было сначала послать письмо, предупредить, а потомъ ужъ идти.

Суматоха въ домѣ продолжалась, а о. Иванъ все стоялъ посреди комнаты со своей шляпой и ждалъ. Прошло всего нѣсколько минутъ, но онѣ показались ему часами. Наконецъ, въ дверяхъ показалась

пожилыхъ лѣтъ дама, полная и обрюзглая, въ роскошномъ утреннемъ капотѣ изъ термаламы и безъ церемоніи начала разсматривать о. Ивана въ лорнетъ на черепаховой ручкѣ. Старикъ узналъ въ ней жену Сережи, какъ она была снята на фотографіи, и почтительно поклонился. Но таинственная дама даже не отвѣтила на поклонъ, повернулась и ушла.

— Должно быть, я ошибся,—сообразилъ о. Иванъ, смущенный невѣжливостью таинственной дамы.

Лакей появился неожиданно изъ другой двери, такъ что о. Иванъ вздрогнулъ.

— Извините, батюшка... да... Я ошибся, Сергѣя Иваныча сейчасъ нѣтъ дома. Я уходилъ изъ дому, когда они вышли...

— Такъ я въ другой разъ... Я напишу ему письмо...—бормоталъ о. Иванъ, направляясь къ выходу.—Да, напишу... До свиданья! Извините, что обезпокоилъ васъ...

— Помилуйте, батюшка, какое же безпокойство!... А только я выходилъ, значитъ, изъ дому, а баринъ въ самый этотъ разъ и выѣхали куда-то по дѣламъ. Дѣловъ у нихъ тьма, ну, и рѣдко даже дома кого принимаютъ...

О. Иванъ машинально перешелъ черезъ улицу на бульваръ, гдѣ и встрѣтился съ

Анной Александровной, которая поджидала его, несмотря на дождь.

— А, вы здѣсь...—разсѣянно проговорилъ о. Иванъ.

— Ну, что? какъ? Что такъ скоро?

— А Сережи нѣтъ дома...

— Какъ нѣтъ дома?!. Да вотъ онъ стоитъ у окна и смотритъ на насъ... Ахъ, безстыдникъ!..

Когда о. Иванъ обернулся, то, дѣйствительно, увидѣлъ стоявшаго у окна сына, который сейчасъ же спрятался за косякъ.

— Да, да... это онъ, Сережа...—бормоталъ о. Иванъ.—Онъ былъ дома и спрятался!..

Мелкія старческія слезы потекли по сморщенному лицу о. Ивана, и Анна Александровна повела его домой, какъ ребенка.

— А можетъ, это и не онъ былъ...—говорила она, чтобы хоть чѣмъ-нибудь утѣшить старика.

— Нѣтъ, онъ... Я его узналъ,—твердо отвѣтилъ о. Иванъ.—Завтра уѣду въ свою Рязанскую губернію... умирать.

Я... Я... Я!

Разсказъ.

I.

Подъ крутымъ берегомъ рѣки Пчевы шла кипучая работа. Партія владимірскихъ плотниковъ строила на сваяхъ пристань для перевоза черезъ рѣку, который зимой долженъ былъ превращаться въ «іордань». Получалась двойная выгода для женской обители, красовавшейся на береговой прикрутости своей бѣлой каменной стѣной и двумя старинными церквами, со скатными кровельками, вмѣсто нынѣшнихъ «кумполовъ». Мѣсто было уютное и красивое—на мысу, на солнечномъ угревѣ. Весной еще вездѣ снѣгъ, а кругомъ обители уже проталинки и первыя весеннія «зеленя». Обитель была маленькая, всего на тридцать сестеръ. Офиціально она носила названіе третьеклассснаго монастыря «Божіей Матери Нечаянныя радости», а про-

стой народъ называлъ ее «Дѣвьей обителью».

Стояли іюльскіе жаркіе дни. Даже отъ воды несло жаркимъ воздухомъ, точно изъ натопленной печи. На крутомъ мысу стояла ветхая часовенка, которую мать игуменья Маргарита собиралась починить лѣтъ тридцать. Съ ранняго утра въ этой часовенкѣ появлялась блаженненькая Фима, садилась на приступочекъ, по-бабьи подхватывала рукой подбородокъ и такъ просиживала до самаго вечера, когда плотники кончали свою работу. Плотникамъ не было до нея никакого дѣла, но она рѣшительно всѣмъ мѣшала. Кто ни посмотритъ вверхъ —сидитъ Фимушка, и конецъ. Что ей нужно? Какое ей дѣло? А не даромъ сидитъ, потому какъ юродивая и прозорливая. Разъ плотники позабыли про нее и закоперщикъ тонкимъ, «пшеничнымъ» теноркомъ завелъ припѣвъ къ «Дубинушкѣ»:

Охъ, старушка, наша мать,
Помоги бревно, поднять...

Только и всего, кажется. А Фимушка подняла правую руку и начала ей помахивать, точно обожглась. На второй же день закоперщику оторвало чугунной бабой именно у правой руки два «перста». Какъ

ножомъ отрѣзало... Всѣмъ было ясно, что устроила каверзу именно Фимушка.

— Не даромъ она рукой-то трясла...— ворчалъ рыжій подрядчикъ Пименъ, почесывая въ затылкѣ.—Конечно, Божій человѣкъ, а все-таки оно, тово... очень даже вредно.

Артель молчала. И жаль лихого запѣвалу, и какъ будто страшно. Мало ли еще что блаженненькая придумаетъ,—отъ нея все станется.

— Въ колья ее взять, вотъ и весь разговоръ!—ворчалъ кто-то.—Чтобы впередъ ей было не повадно. Разговоръ короткій.

Посудачили, поворчали — тѣмъ дѣло и кончилось. А Фимушка такъ и осталась сидѣть у своей часовни. Подрядчикъ, когда получалъ въ субботу двухнедѣльный расчетъ отъ матери казначеи Анѳисы, не утерпѣлъ и пожаловался на Фимушку. Мать казначея была небольшого роста, но очень грузная старушка. Она только замахала коротенькими ручками и откровенно созналась:

— Охъ, и не говори, Пименъ! Я и сама боюсь Фимки. Богъ ее знаетъ, что у нея на умѣ. Постоянно бормочетъ себѣ подъ носъ, а хуже всего, когда засмѣется: вотъ точно ножомъ по сердцу. Пристала къ нашей

обители и нейдетъ никуда. Болѣзная у насъ мать игуменья, жальливая, ну, и не гонитъ. Въ послушницы сколько разовъ Фимку звала, а Фимка ей въ глаза и говоритъ: «Недостойная я раба, мать игуменья... И молиться я лѣнива, и въ мясоѣдъ люблю курочку покушать». Такъ и отрѣзала... А вы вотъ пѣсни-то поменьше горланьте, Пименъ! Другой разъ и неподобное выходитъ для обители...

— Что же, мать казначея... оно, конечно, наше дѣло темное, плотницкое... За всякимъ словомъ тоже не угоняешься... Извѣстно, артель. Однимъ словомъ сказать, молите Бога о насъ, честныя матери!

Ушелъ Пименъ отъ матери Анѳисы ни съ чѣмъ и только почесывалъ въ затылкѣ. Не прошло дня, а тутъ опять новая провинка. Новый закоперщикъ какъ затянетъ:

Петербургски дѣвки модны,
Ходятъ цѣлый день голодны...

Пименъ только ахнулъ. Фимушка сидѣла на своемъ мѣстѣ и дико хохотала, поджавъ животъ. Пименъ обругалъ закоперщика и по пути всю артель.

— Чему вы обрадовались, горлопаны?! Вотъ она какъ заливается. Охъ, не къ добру это!.. Изведетъ она всѣхъ.

Рыжій Пименъ пустился на хитрость. Купилъ въ деревнѣ кумачный платокъ съ желтыми разводами и принесъ Фимушкѣ.

— На, вотъ тебѣ, Божій человѣкъ,— конфузливо говорилъ онъ, подавая подарокъ.—Это, значитъ, отъ артели...

Фимушка не взяла, а какъ-то вырвала изъ рукъ Пимена платокъ, разостлала его на травѣ и засмѣялась.

— Вотъ скоро пойду замужъ, такъ пригодится... — бормотала она. — Въ самый разъ... Честь всегда лучше безчестья. Спасибо!...

— Только оно тово, Фимушка...—заговорилъ Пименъ, почесывая въ затылкѣ точно выскребая оттуда какое-то мудреное слово.—Ужъ сдѣлай Божецкую милость... значитъ, уйди ты съ берега-то; а то вся артель сумлѣвается вотъ какъ... Мало ли какое слово молвится, а ты все слушаешь...

— Казначеѣ бѣгалъ на меня жаловаться, миленькій?

— То есть, такъ... къ слову... вообче...

— Жалуешься, а не знаешь кому: у казначеи-то только сверху одинъ жиръ живъ, а середка уже давно мертвая... ха-ха! Помни бѣлую кошку... На казначеѣ-то шкурка черная, а на кошкѣ шкурка бѣлая. Вотъ и догадайся, что къ чему.

— Неподобное ты говоришь, Фимушка, и даже очень вредное...

Пимена даже оторопь взяла. Вѣдь выговоритъ же блаженная словечко... Этакій человѣкъ заведется да еще не гдѣ-нибудь, а въ обители. То ли она отъ ума говоритъ, то ли зря на вѣтеръ болтаетъ—ничего не разберешь.

Ровно черезъ три дня мать казначея умерла отъ удара. Вышло все по сказанному, какъ по писанному. Была у казначеи Анѳисы бѣленькая кошечка, которую она очень любила. Такая забавная игрунья кошечка,—цѣлые дни играетъ. Была у казначеи Анѳисы любимая чайная чашечка, изъ которой она пила чай лѣтъ 30-ть. Разыгралась бѣленькая кошечка и разбила любимую чашечку. Очень огорчилась старушка, бросилась за озорницей, кошечкой, хотѣла ударить ее лестовкой, — споткнулась, упала и отдала Богу душу. Когда подрядчикъ Пименъ узналъ объ этомъ происшествіи, онъ какъ-то сразу упалъ духомъ. Выходило дѣло совсѣмъ неладно.

— Ну, и Фимушка!..—бормоталъ Пименъ, припоминая свой послѣдній разговоръ съ ней.—Этакъ-то и житья отъ нея не будетъ. Охъ, грѣхи, грѣхи!...

А Фимушка все сидитъ у часовни и съ утра до вечера смотритъ, какъ работаютъ плотники. А по обители прошла молва объ ея разговорѣ съ рыжимъ Пименомъ, и всѣ сестры «ужахнулись, уязвяся сердцемъ». Пимена вызывали нѣсколько разъ въ обитель и заставляли въ десятый разъ подробно разсказывать, какъ было дѣло.

— Моей тутъ причины никакой нѣтъ... —оправдывался Пименъ.—Дѣйствительно, былъ у меня разговоръ съ покойницей, а откуда о немъ вызнала Фимушка—ума не приложу. Такъ, промеждуу себя разговаривали... Я пожалѣлъ тогда своего закоперщика—только и всего. Куда онъ теперь дѣнется безъ пальцевъ-то?

Вся обитель гудѣла отъ пересудовъ, какъ пчелиный улей. Простой разсказъ подрядчика Пимена уснащался всевозможными красными вымыслами встревоженной обительской фантазіи и разрастался съ быстротой снѣжнаго кома, который катился съ вершины крутой горы.

Подрядчикъ Пименъ началъ какъ-то задумываться и выходилъ на работу «совсѣмъ туманный», какъ говорили рабочіе. Онъ угнетенно вздыхалъ, что-то бормоталъ себѣ въ рыжую бороду и отмахивался рукой, точно его одолѣвалъ рой комаровъ.

— Изведетъ она всѣхъ,—думалъ онъ вслухъ.

Разъ онъ пошелъ въ обитель и по дорогѣ встрѣтилъ блаженненькую. Фимушка запрыгала передъ нимъ на одной ногѣ, захохотала и показала языкъ. У Пимена сердце екнуло. Вся артель обсуждала, что это могло значить. Всѣ качали головами и судили-рядили вдоль и поперекъ.

— Не спроста дѣло...—галдѣли мужики.—Только надо его понять. Это она тебѣ къ тому языкъ показала, что ты разболталъ тогда о матери казначеѣ. Дескать, языкъ у тебя длинный, Пименъ.

Въ другой разъ Фимушка спустилась къ самому мѣсту постройки, подняла щепочку и подала ее Пимену.

— Это тебѣ отъ меня подарочекъ,—объяснила она, улыбаясь.—Щепочка—не колодочка, колодочка—не лодочка... Вотъ догадайся-ка?..

Тутъ уже вся артель перепугалась, а подрядчикъ Пименъ съ горя запилъ горькую. Съ нимъ это рѣдко случалось, и никто его не обвинялъ. Хоть съ кѣмъ случись такая оказія... всякій запьетъ мертвую.

Подрядчикъ Пименъ звѣрски пьянствовалъ цѣлыхъ двѣ недѣли, а потомъ, переѣзжая черезъ Пчеву, пьяный утонулъ.

Тогда всѣмъ сдѣлалось ясно, о чемъ безсвязно бормотала Фимушка. Артель не докончила работы и разбрелась, проклиная блаженную.

II.

Фимушка поселилась въ обители всего лѣтъ пять тому назадъ. Родомъ она была изъ сосѣдняго села Угляны, гдѣ жила съ мужемъ лѣтъ десять. Замужество выдалось самое несчастливое. Мужъ безпощадно истязалъ и билъ Фимушку все время, билъ артистически, пока она не теряла сознанія. Происходила самая обыкновенная деревенская исторія, и ни одна живая душа не заступалась за несчастную бабу, не желая нарушать священнаго права всякаго мужа «учить жену». Всѣ знали, что мужъ бьетъ Фимушку смертнымъ боемъ; всѣ видѣли, какъ онъ ее таскалъ за косы по деревенской улицѣ, топталъ ногами, полосовалъ спеціально сплетеннымъ для нея ременнымъ кнутомъ,—и всѣ благочестиво отворачивались.

— Не наше дѣло... Промежду мужемъ и женой одинъ Богъ судья.

Фимушка, какъ забитое животное, пряталась отъ постороннихъ глазъ, молчала и никому не жаловалась. Но въ концѣ кон-

цовъ на нее неожиданно «накатилъ стихъ». Забитая баба вдругъ точно озвѣрѣла, такъ что даже кровошвецъ-мужъ испугался. Фимушка съ сумасшедшимъ хохотомъ бросалась на мужа съ ножомъ, грозила сварить его кипяткомъ, отравить, зарубить топоромъ showcasing соннаго. Однимъ словомъ совсѣмъ тронулась умомъ баба. Мужъ пробовалъ утихомирить ее домашними средствами: привязывалъ во дворѣ голую къ столбу, морозилъ зимой босую въ чуланѣ, морилъ по недѣлѣ голодомъ, но всѣ эти отеческія мѣры не привели ни къ чему. Фимушка хохотала своимъ сумасшедшимъ хохотомъ и кричала «истошнымъ» голосомъ:

— Отвѣтишь за мою голову, душегубъ!! Немного тебѣ и жить осталось, окаянному!!

У несчастнаго мужа, наконецъ, опустились руки, и онъ запилъ горькую, какъ истинно огорченный русскій человѣкъ.

Кончилось тѣмъ, что мужъ Фимушки скоропостижно умеръ. Все село было убѣждено, что она его «стравила»; но всѣ молчали, чтобы не поднимать напрасныхъ хлопотъ. Наѣдетъ начальство, потянутъ по судамъ, пойдетъ прижимка,—бѣды не оберешься. Волостные старички коротко и ясно заявили Фимушкѣ:

— Ну, милая, ты теперь окончательно,

значитъ, ослобонилась... Да... Такъ ужъ тово, мы тебя не обязываемъ жить съ нами. Скатертью тебѣ дорога... Дѣтей, у тебя нѣтъ, а одна голова промыслится, какъ-нибудь.

— И то, уйду!—дерзко отвѣтила Фимушка.—Тошно мнѣ и глядѣть-то на васъ, на бабьихъ душегубовъ... Безъ васъ уйду.

— Сдѣлай милость, Фимушка, ослобони міръ!

Фимушка не заставила просить себя во второй разъ. Она махомъ продала избу, скотину, все обзаведенье и ушла въ Дѣвью обитель. Слухи о скоропостижной смерти ея мужа уже дошли, конечно, до обительскихъ сестеръ, и онѣ встрѣтили ее довольно сурово; но за нее заступилась игуменья Маргарита.

— Мало ли что болтаютъ,—не нашего ума дѣло,—успокаивала она взволнованную монашескую братію.—Богъ все видитъ... Куда ей дѣваться-то? Натерпѣлась она въ міру, а теперь пусть отдохнетъ.

Игуменья Маргарита была не изъ простыхъ, какъ другія сестры, и поступила въ обитель молоденькой дѣвушкой. Трудница была и постница, а, главное, имѣла хотя и добрый, но твердый характеръ. Сказала—отрѣзала. Вотъ здоровья Богъ ей не далъ:

все больше лежала, и выходила въ церковь только къ большимъ службамъ. Ее уважала вся округа, и пріѣзжали къ ней изъ дальнихъ мѣстъ и за совѣтомъ и за утѣшеніемъ.

Фимушка явилась въ обитель, какъ къ себѣ домой, и сама выбрала себѣ мѣсто въ скотной избѣ, гдѣ жили коровницы. Она притащила съ собой какой-то сундучишку и поставила въ уголокъ на лавкѣ.

— Хорошо у васъ тутъ, сестрицы,—похваливала Фимушка, выбирая себѣ мѣстечко около печки потеплѣе.—Небитыя живете.

Сестрички отмалчивались, наблюдая за каждымъ шагомъ новой обительской жилички.

— И безстыжая только...—шушукались онѣ между собой.—Хоть бы спросилась у кого...

— А что ужъ съ нея и взыскивать, коли родного мужа стравила... Какой тутъ стыдъ!

Сестрички судачили за спиной и побаивались Фимушки. Какая-то она особенная,—ни къ чему не примѣнишь. И все дѣлаетъ со смѣшкомъ да съ прибауточками,—словечка спроста не вымолвитъ. Другая бы вотъ какъ рада была теплому углу, а она еще выкомуриваетъ. Живали

и раньше въ обители разныя «странныя» бабы, такъ тѣ совсѣмъ другое: тихія, очестливыя, покорныя.

Внутри обитель совсѣмъ не походила на монастырь. Отъ стародавней стройки оставались только каменныя стѣны съ башенками по угламъ, да двѣ церкви. Обитель выгорала до-тла раза три. Вся новая стройка, за исключеніемъ каменной келарни и покоевъ матушки-игуменьи, была деревянная. Каменной стѣной было охвачено довольно большое пространство съ оврагомъ посрединѣ. На днѣ оврага сочился святой ключикъ, надъ которымъ была поставлена деревянная часовенка. По обѣимъ сторонамъ оврага въ тѣни садочковъ разбросаны простые бревенчатые домики, въ которыхъ жили старыя, мантейскія монахини, просто монахини съ малымъ постригомъ и простыя послушницы въ островерхихъ бархатныхъ шапочкахъ — куколяхъ. И весь строй жизни въ обители не носилъ монашескаго характера, а сложился по типу трудовой рабочей артели. Обитель прокармливала себя своей собственной работой, не нуждаясь въ посторонней помощи. Здѣсь все было свое: и свой хлѣбъ, и свой овощъ, и свои холсты, и свое крестьянское сукно, и молоко, и яйца, и медъ, и даже

воскъ. Не было особенныхъ мастерскихъ, какъ въ большихъ показныхъ монастыряхъ, а бабья работа шла у себя на дому, по кельямъ. Это сложное монашеское хозяйство давало остатки, которые шли въ продажу.

Большинство сестеръ были крестьянки, которыя нашли здѣсь тихое убѣжище отъ мірской суеты и тяготы. На половину изъ нихъ приходились дѣвушки-вѣковуши, избѣгавшія брака, какъ величайшаго зла. Насмотрѣлись онѣ дома на бабью каторжную жизнь и «ущитились» за каменной монастырской стѣной. Приходившія въ обитель со всѣхъ сторонъ деревенскія бабы съ завистью говорили:

— И хорошо у васъ, сестрицы... Хоть бы денекъ такъ-то пожить.

Жальливая мать игуменья постоянно была осаждаема этими измученными бабами, и съ ангельскимъ терпѣніемъ выслушивала ихъ разсказы, жалобы и слезы. Велико бабье горе, и нѣтъ ему конца-краю...

— Потерпи, милая!..—обыкновенно совѣтовала игуменья.—Христосъ и не это терпѣлъ.

Совершенно противоположнаго мнѣнія была прижившаяся въ обители Фимушка. Она не побоялась идти «навстрѣчу» самой

игуменьѣ и растравляла жаловавшихся бабъ.

— А больше терпите, глупыя... Ха-ха!.. Вотъ я такая же была дура. Покойничекъ-то мужененекъ всю жисть смертнымъ боемъ билъ меня. Всѣ переднiе зубы вышибъ, всѣ суставы повывертѣлъ, всѣ жилочки повытянулъ... Вотъ какъ старался, сердечный!.. ха-ха!.. И морозомъ морозилъ, и огнемъ жегъ пятки,—только вотъ печки на мнѣ не бывало. Полѣномъ да ремнемъ разговаривалъ. А вы больше терпите, глупыя, пока духъ не вышибли. Да... Видно, мало васъ бьютъ мужья-то.

Фимушка въ необыкновенной быстротой освоилась въ обители. Она ни къ кому не подлаживалась, ни у кого не заискивала, никому не старалась угодить. Все у нея выходило какъ-то само собой. Не прожила она въ обители трехъ дней, какъ пришла къ игуменьѣ и заявила съ своей грубоватой откровенностью:

— Была я, мать игуменья, на твоемъ скотномъ дворѣ... Негоже это, чтобы сестрицы да послушницы-дѣвушки занимались этимъ дѣломъ. Скотинка-то Боговая, а дѣлаетъ въ другой разъ и неподобное для дѣвушекъ-то... Тоже вотъ и пѣтушокъ съ курочками... Такъ ужъ я тамъ буду смотрѣть,

что и къ чему. Грѣшная я раба кругомъ, и мнѣ стыда отъ скотинки не будетъ.

Игуменья согласилась. Какъ оказалось, у Фимушки были золотыя руки на скотинку: коровы не оставались яловыми, курицы начали нести яйца вдвое, появились жеребята, и т. д.

— Слово такое знаетъ на скотину Фимка,—ворчали старушки-монахини, завѣдывавшія раньше скотнымъ дворомъ.—Порчена она... Вотъ только зачѣмъ старыхъ-то пѣтуховъ колетъ? Заколетъ и сама съѣстъ.

Фимушка слышала эти пересуды и только хохотала. Хоть и обитель, а все-таки, бабьимъ дѣломъ, разговоровъ не оберешься. Особенно усердствовали заслуженныя старушки-монахини, какъ покойная мать казначея Анѳиса. Точно горохъ молотятъ... Бывали и ссоры, и раздоры, и разная другая бабья свара. Покойница мать казначея Анѳиса была не послѣдняя затѣйница по этой части, и въ свое оправданіе говорила:

— Мірскіе-то люди вотъ какъ любятъ судить наши обительскія дѣла, а вотъ того и не понимаютъ, что сказано въ книгѣ Кормчей: къ міряниву приставленъ одинъ бѣсъ, къ бѣлому попу—семь бѣсовъ, а къ монаху—всѣ четырнадцать. Про нашу чер-

ную сестру и говорить нечего: всѣ двадцать считай.

Эта бѣсовская геометрическая прогрессія много утѣшала сестеръ, когда наступали моменты раскаянія. Одна Фимушка оказывалась нераскаянной, потому что считала бѣсовъ тысячами, олицетворяя ихъ «въ мужескѣ полѣ». Въ ней затаилась неистребимая озлобленность, сосредоточившаяся на этомъ послѣднемъ пунктѣ, какъ въ фокусѣ. Все баба — какъ баба, а какъ увидѣла мужика,—и остервенилась. Эти минуты озлобленія достигали своего апогея въ праздники, когда въ обитель, вмѣстѣ съ бабами приходили и мужики. Тутъ никому спуску не было, особенно старикамъ, которыхъ Фимушка поголовно крестила снохачами. Она точно сходила съ ума, безсмысленно хохотала, бормотала непонятныя слова и стяжала себѣ очень быстро репутацію прозорливицы. Даже обительскія сестры увѣровали, что, когда на Фимушку накатитъ стихъ, она все можетъ понимать, особенно будущее. Чѣмъ были страннѣе безсвязныя рѣчи Фимушки, тѣмъ сильнѣе производили онѣ впечатлѣніе; а разныя слова «отъ Писанія», которыя Фимушка выучила за обительскими службами, прямо пугали благочестивую публику.

III.

Молва разнесла про юродивую Фимушку на сто верстъ кругомъ великую славу. Въ обитель повалили богомольцы всякаго чина и званія, особенно, изъ купечества. Пришлось для нихъ устроить особую странно-пріимницу изъ старыхъ сараевъ. Дѣло выходило очень выгодное, особенно лѣтомъ, когда было и принять чѣмъ дорогихъ гостей. Фимушка сдѣлалась настоящимъ магнитомъ для богомольцевъ. Ей была отведена особая келейка и дана на побѣгушки маленькая послушница. Лучшаго житья и не придумать, а Фимушкѣ все было мало. Она вѣчно злилась на кого-нибудь, фыркала и привередничала.

— Этакое купоросное масло, подумаешь!—ворчала даже игуменья.—Какъ гости въ обитель, такъ она на зло и спрячется у себя въ келью. Никакимъ калачемъ ее оттуда не выманишь...

Нѣкоторымъ, желавшимъ непремѣнно видѣть Фимушку, приходилось проживаться въ обители чуть не по недѣлѣ. Но Фимушка знала себѣ цѣну, и чѣмъ богаче и знатнѣе были гости, тѣмъ дольше она заставляла себя ждать и тѣмъ была съ ними грубѣе, особенно съ мужчинами. Купчихи были въ восторгѣ, когда она начинала про-

бирать ихъ мужей. Откуда, что бралось у Фимушки! Вѣдь самая простецкая деревенская баба, ежели разобрать, а словами такъ и сыплетъ.

— Откуда это у тебя слова берутся, Фимушка?—удивлялись сестры.

— А покойничекъ-мужъ, дай ему Богъ царство небесное! полѣномъ въ меня хорошія-то слова заколачивалъ...—безъ заминки объясняла съ своей вѣчной улыбкой Фимушка:—какъ ударитъ полѣномъ, такъ и хорошее слово, точно двухвершковымъ гвоздемъ приколотитъ... Ученая я, сестрички.

Самымъ большимъ праздникомъ въ обители считалась Ильинская пятница. По лѣтнему времени народу набиралось множество, а подъ монастырской стѣной разбивался торжокъ. Этотъ день являлся настоящимъ торжествомъ Фимушки. Ея келья буквально осаждалась богомольцами, но она упорно пряталась и только изрѣдка выглядывала изъ-за оконнаго косяка. Тревожить ее никто не смѣлъ, и всѣ терпѣливо дожидались, когда прозорливица выйдетъ сама. Натомивъ публику въ достаточной мѣрѣ, Фимушка открывала окно и начинала бросать яичную скорлупу, обрѣзки овощей, хлѣбныя корки. Богомольцы съ

жадностью ловили все и бережно прятали по карманамъ.

— Это она не даромъ...—шелъ осторожный шопотъ,—только надо понять, что и къ чему.

Потомъ Фимушка начинала блажить: хохотала, дико вскрикивала, бѣгала по кельѣ. Однимъ словомъ, продѣлывала довольно сложную комедію, заканчивавшуюся тѣмъ, что она выскакивала на крылечко, оглядывала толпу дикими глазами и начинала выкликать.

— Въ городу недавно грѣшный колоколъ отлили,—кричитъ Фимушка.—Большой колоколъ-то... Какъ разъ ударятъ, сейчасъ кто-нибудь и согрѣшитъ въ деревнѣ. А проходила мимо баба съ веретеномъ да и погрозила звонарю... Колоколъ-то и раскололся на четыре части и на смерть ушибъ звонаря. Пришли попы да бояре и начали плакать. Жаль имъ грѣшнаго колокола... Какъ разъ всѣ по деревнямъ-то праведными сдѣлаются...

Среди этого изступленнаго бормотанья и безумнаго хохота, прорывались отдѣльныя замѣчанія, направленныя на когонибудь изъ присутствующихъ. Это было самое главное. Фимушка, видимо, заранѣе намѣчала свою жертву и бросала въ нее

словами, точно камнями. Выходило какъ-то такъ, что она всегда угадывала, и ея слова сбывались, что производило на суевѣрную толпу ошеломляющее дѣйствіе. Ни подарковъ, ни денегъ она не принимала, и это еще сильнѣе утверждало ея авторитетъ.

Такъ дѣло шло нѣсколько лѣтъ. Въ обители всѣ привыкли къ Фимушкѣ и даже смотрѣли на нее, какъ на своего рода доходную статью въ обительскомъ хозяйствѣ. Но въ разгаръ славы Фимушки случилось нѣчто совершенно неожиданное, повергшее всю обитель въ смущеніе.

Была въ обители сестра Феликитата, уже немолодая дѣвушка, тихая и скромная. Она обладала чуднымъ голосомъ и управляла монастырскимъ хоромъ. Ее всѣ любили, какъ самаго незлобиваго человѣка, и пользовались ея всегдашней готовностью всѣмъ услужить. Грамотныхъ сестеръ въ обители было немного и сестра Феликитата пользовалась славой, какъ начетчица. И весь кругъ церковной службы отлично знала, и постоянно читала житія святыхъ. Въ обители она жила какъ-то незамѣтно, занимая отдѣльную келейку. И вдругъ начали приходить въ обитель богомольцы и спрашивать сестру Феликитату.

— Да для чего вамъ она понадобилась? —удивлялись сестры.

— А такъ... поговорить о душѣ...

Сестра Феликитата являлась полной противоположностью озлобленной Фимушкѣ, всѣхъ одинаково принимала и со всѣми одинаково бесѣдовала. Ровная, тихая бесѣда, умирявшая мятежныя мірскія души уже однимъ своимъ тономъ, влекла къ себѣ всѣхъ.

Кто распространялъ славу про сестру Феликитату? Какими невидимыми путями эта слава ширилась, росла и распространялась? Никто ничего не зналъ. Говорили о какихъ-то сонныхъ видѣніяхъ, о знаменіяхъ и даже чудесахъ. Обительскія сестры даже замерли отъ страха, что Фимушка непремѣнно выкинетъ какую-нибудь отчаянную штуку, какой никто не ожидаетъ. А тутъ еще, какъ на зло, случилось нѣсколько разъ, что неопытные богомольцы, не знавшіе Фимушки въ глаза, ее же и спрашивали, гдѣ живетъ сестра Феликитата.

— А ступай все прямо, поверни налѣво и еще прямо—лбомъ и упрешься въ сестру Феликитату,—дерзко отвѣчала Фимушка.

Это была дорога на скотный дворъ.

— Отошла, видно, честь нашей-то под-

холодной змѣѣ... — ворчала покойная мать казначея Аполса, качая головой.

Вся обитель волновалась, какъ пчелиный улей, въ которомъ появилась вторая матка. Послѣдней, какъ обманутый мужъ, узнала о всемъ происходившемъ мать игуменья. Старушка очень перетревожилась и сейчасъ же послала за сестрой Феликитатой.

— Ты это что, матушка, добрыхъ-то людей баломутишь?—строго начала допросъ игуменья.—Всю обитель замутила.

Сестра Феликитата молчала, опустивъ глаза.

— Ну, что стоишь-то? Правды въ ногахъ нѣтъ...

— Я ничего не знаю, матушка,—кротко отвѣтила Феликитата и посмотрѣла на игуменью такими ясными глазами.—Такъ болтаютъ... зря... А что народъ идетъ ко мнѣ, такъ это ужъ не отъ меня.

— Такъ, такъ. А кто учитъ всѣхъ? А? Все знаю... Къ тебѣ-то идутъ по простотѣ, а ты учишь по гордости. Я, молъ, поумнѣе всѣхъ въ обители.

Старушка много говорила о смиреніи, про сокрушеніе о грѣхахъ, о страхѣ Божіемъ и спеціально монашескихъ добродѣтеляхъ. Но результатъ этотъ бесѣды полу-

чился совершенно неожиданный. Сестра Феликитата поклонилась игуменьѣ въ землю и проговорила:

— Прости, матушка, и благослови на черную работу... Буду бѣлье стирать, дрова носить, за огородомъ ходить... Одной молитвой не проживешь...

— А кто же на клиросѣ службу будетъ править?!. Да ты никакъ съ ума сошла, голубушка? Черную-то работу и безъ тебя справятъ... Вотъ еще выдумала тоже! Я вотъ тебя поставлю на поклоны, такъ и узнаешь, какъ выдумки выдумывать.

Отъ волненія и негодованія на блѣдномъ лицѣ игуменьи выступили даже красныя пятна. Она рѣдко выходила изъ себя.

Увѣщаніе игуменьи такъ и не привело ни къ чему. Раньше сестра Феликитата считалась большой искусницей по части вышивокъ шелками и золотомъ, а теперь забросила все и принялась за самую черную работу, которую обыкновенно исполняли, какъ послушаніе, поступавшія въ обитель простыя, безграмотныя крестьянки, ничего другого неумѣвшія дѣлать. Игуменья сначала посердилась, а потомъ махнула рукой на строптивицу.

— А пусть ее съ мозолями ходитъ, коли нравится,—рѣшила она.

Сестры недоумѣвали. Было даже какъ-то совѣстно, когда сестра Феликитата принялась колоть дрова и разносить тяжелыя вязанки по всѣмъ кельямъ. Пробовала сестра Феликитата пробраться и на скотный дворъ, чтобы убирать скотину, но была съ позоромъ изгнана Фимушкой.

— Куды прешь, святая душа на костыляхъ?—накинулась Фимушка, выпроваживая соперницу.—Нѣтъ здѣсь твоего дѣла. Да и Богову-то скотинку не обманешь своей святостью. Она хоть и не говоритъ, а вотъ какъ все понимаетъ. Ступай-ка, вяжи лучше свои пояски да кошельки: твоя работа.

Сестры слушали все, качали головами и говорили:

— Охъ, и хитрыя же обѣ!.. Только которая которую еще переклюкаетъ?..

IV.

Вся обитель тревожилась въ ожиданіи Ильинской пятницы, когда по общему убѣжденію должно было произойти неизбѣжное столкновеніе между Фимушкой и сестрой Феликитатой. Вѣрнѣе сказать, всѣ ждали, какую штуку выкинетъ Фимушка, чтобы уничтожить въ конецъ свою соперницу.

Теперь всѣмъ сдѣлалось ясно, какъ день, почему Фимушка въ послѣднее время проявляла особенную злость.

— Изъ-за нея померла мать-то казначея,—сѣтовали монахини.—Прямо изъ-за нея... Натко, что придумала: сверху только живая, а въ середкѣ совсѣмъ мертвая. И черную шкурку монашескую приплела... А насчетъ кошки даже на двое вышло: и померла мать казначея черезъ свою бѣленькую кошечку, и на саванъ бѣленькая-то шкурка показываетъ. Охъ, согрѣшили мы, грѣшныя...

— А зачѣмъ она утопила подрядчика-то Пимена?

— А тоже не спроста дѣло вышло. Положимъ, она завсегда мужчинъ терпѣть ненавидѣла... Только тутъ вышло на особицу, чтобы прославиться своей прозорливостью. Вотъ, молъ, какая я мудреная: потрясла ручкой—закоперщику пальцы и отрѣзало, какъ ножомъ. Подарила Пимену щепочку, наговорила про лодочку, ну, человѣкъ и утонулъ. Теперь-то по всѣмъ мѣстамъ объ этомъ говорятъ; а ей это и на руку, чтобы отвадить богомольцевъ отъ сестры Феликитаты. И хитрая же наша Фимка, ежели разобрать...

Монахини судачили про Фимкину

злость шопотомъ, чтобы на грѣхъ не услышала, а то и всѣхъ уморитъ. Отъ нея станется, отъ злюки. Въ послѣдній разъ Фимушка отличилась, когда игуменья назначила новой казначей сестру Таисью, худенькую и горбатенькую старушку, которая вѣчно что-то жевала.

— А, здравствуй, сладкоѣжка!.. — поздравила ее Фимушка.—Ты у насъ, какъ бѣлка, за щекой весь обѣдъ носишь...

Вѣдь нужно же было придумать ядовитое слово. Сестра Таисья только махнула рукой и ничего не отвѣтила.

Наступила Ильинская пятница. Еще съ вечера около воротъ у обительской стѣны началъ устраиваться торжокъ. Устанавливались лари, палатки, деревянные навѣсы, просто телѣги съ разнымъ товаромъ, чтобы завтра утромъ, когда кончится монастырская служба, все было готово. Погода стояла отличная, какъ всегда. Пришло много богомольцевъ издалека. Мѣста въ странпопріимницѣ всѣ были заняты, и приходилось размѣщаться подъ открытымъ небомъ, гдѣ Богъ послалъ. Простые богомольцы и не жаловались, какъ люди привычные. Котомка въ головы, сверху зипунишко—и весь разговоръ. Обительскій дворъ обратился въ настоящій лагерь.

Многіе заснули съ мечтой о знаменитыхъ квасахъ, которыми издревле славилась Дѣвья обитель. И обительскія щи тоже хороши, ежели игуменья не пожалѣетъ рыбки да грибковъ.

Ночью, когда всѣхъ охватилъ первый, самый крѣпкій сонъ, кто-то громко крикнулъ. Всѣ повскакали съ мѣстъ. Крикнула баба, испуганная какой-то женщиной, бѣгавшей между спавшими богомольцами съ полѣномъ въ рукахъ. Это была Фимушка. Она хихикала и, раскачивая полѣно на рукахъ, какъ ребенка, бормотала:

— Я... я... я!.. Ухъ, какъ тяжела обительская работа. Всѣ спятъ, а вотъ я должна дрова таскать. Я... я... я!.. Наташаю дровъ, складу полѣнницу, большую полѣнницу, да по ней прямо на небо и залѣзу. Вотъ какъ я. А вы всѣ, битые и небитые, проспите царствіе-то небесное. Я... я... я!..

Не успѣли богомольцы уснуть во второй разъ, какъ опять явилась Фимушка и принялась всѣхъ будить.

— Миленькіе, не видалъ ли кто мое веретено? Я... я... я!... До самаго неба добралась ужъ я по полѣнницѣ, а тамъ и не пущаютъ. «Куды, говорятъ, баба, лѣзешь, безъ веретена? Ступай назадъ да поищи»... Я... я... я!..

Когда утромъ обительскія матери узнали, что Фимушка продѣлывала ночью,— только покачали головами. Охъ, и хитрая же эта Фимка!.. Тоже и придумала полѣнницу.

— Это она мать Феликитату подводитъ полѣнницей-то, отчаянная. Не въ бровь, а прямо въ глазъ угадала...

Выходило и грѣшно и смѣшно. Улыбались даже самыя древнія, богобоязливыя старушки. Хоть кого Фимка на грѣхъ наведетъ.

Полѣнницу всѣ обитательскіе сразу поняли, а вотъ къ чему веретено приплела Фимушка? Еще непонятнѣе было ея новое присловье: «Я... я... я!..». Съ ней случалось, когда накатывалъ стихъ, что она по цѣлымъ днямъ повторяла какое-нибудь одно слово. И всегда выходило, что она бормотала не спроста, а теперь и подавно не даромъ толчетъ свое «я... я... я!..». Богомольцы-то, конечно, ничего не понимали, что и къ чему; а своимъ обительскимъ все было ясно, какъ на ладонкѣ.

— Не кончитъ Фимка добромъ нашу пятницу,—шептались сестры, угнетенно вздыхая.

Монастырская служба въ обители шла по уставу, безъ пропусковъ. Люди болѣз-

ненные и малосильные не могли ее выстаивать до конца. Фимушка забилась въ уголокъ и молилась съ горькими слезами. По окончаніи службы она скрылась неизвѣстно куда. Для богомольцевъ на дворѣ были устроены длинные столы, и всѣ съ особеннымъ аппетитомъ приступили къ монашеской «ѣжѣ». Ѣли молча, облизывая деревянныя ложки.

— И скусны шти у матери игуменьи!— похваливали богомольцы.

За стѣной открылся торжокъ, на которомъ собралась молодежь, пестрѣвшая яркими праздничными нарядами. Торговцы выбивались изъ силъ, расхваливая свой товаръ. Богомольцы посолиднѣе, старики и старушки, оставались на монастырскомъ дворѣ, чтобы поговорить съ монашенками. Потихоньку говорили о ночныхъ подвигахъ Фимушки, качали головами и угнетенно вздыхали.

— Прозорливица... Намъ-то непонятно, што она говоритъ; а она ужъ знаетъ. Охъ, все знаетъ! Вонъ какъ сказала подрядчику-то Пимену.

Вспомнили и безпалаго закоперщика и покойную мать казначею Анеису. Старики и старушки собрались передъ кельей сестры Феликитаты, которая сидѣла на дере-

вяшномъ крылечкѣ и вела обычную утѣшительную бесѣду.

— Такъ, такъ, матушка!..—соглашались съ сокрушеніемъ слушатели.—Кабы по твоимъ-то словамъ мы жили...

Въ самый разгаръ этой бесѣды точно изъ земли выросла Фимушка. Она безцеремонно протолкалась впередъ и положила свое полѣно на землю. Потомъ побѣжала въ свою келью и притащила лубяное лукошко съ яйцами, поставила рядомъ съ полѣномъ и сѣла на него, какъ насѣдка-курица на гнѣздо. Всѣ молчали, ожидая, что будетъ дальше. Подошли сторонкой старыя монахини, простыя сестры и шустрыя послушницы. Фимушка сидѣла на своемъ лукошкѣ и все повторяла:

— Я... я... я!..

Потомъ она кудахтала по-куричьи, хохотала и кончила тѣмъ, что повалилась въ ноги сестрѣ Феликитатѣ.

— Сестра Феликитата, прости ты меня, окаянную!.. Лаяла на тебя безъ пути, какъ псица... Я... я... я!.. А теперь ужъ ты меня выучила спасенью... Раньше-то я, дура, все другихъ жалѣла... А теперь я умная, совсѣмъ умная... О себѣ буду заботиться, объ одной своей душенькѣ, чтобы сдѣлаться получше всѣхъ другихъ... Я... я... я!.. Пусть

другіе-то сами о себѣ позаботятся, а мнѣ до себя... Можетъ и въ царствіе небесное попаду, недостойная. Другіе-то грѣшные вотъ какъ будутъ мнѣ завидовать, да еще меня-жъ и осудятъ и остальные всѣ мои грѣхи возьмутъ на себя... Такъ-то вотъ. Я... я... я!.. Никого и обличать не буду, а всѣ будутъ мнѣ завидовать... Вотъ, скажутъ, какая праведница объявилась. И всѣмъ будетъ стыдно. А всего-то дѣла: я... я... я!..

Потупились старушки-монахини, а сестра Феликитата поднялась и ушла въ свою келью со слезами на глазахъ. И бысть во святой обители веліе смущеніе...

На другой день Фимушка преставилась. Какъ она умирала, никто не видѣлъ, она точно заснула. Ее похоронили, какъ монахиню. Разнеслась молва объ ея святости и къ Фимушкиной могилкѣ потянулись богомолки со всѣхъ сторонъ, брали землю, приносили подаянія, такъ что Фимушкина могилка сдѣлалась доходной статьей для обители. Темный народъ глухо говорилъ, что скоро появятся и мощи Фимушки. . . .

ВОЛЧЬЯ ПѢСНЯ.

Очеркъ.

I.

Короткій зимній день уже начиналъ смеркаться. На улицѣ вьюга такъ и завывала, какъ голодный звѣрь. Когда Сила Мокинъ вышелъ изъ своей избенки, онъ едва устоялъ на ногахъ,—вѣтеръ такъ и рвалъ. Правда, что Мокинъ плохо держался на ногахъ, которыя были застужены на тяжелой промысловой работѣ, когда приходилось по цѣлымъ днямъ стоять въ ледяной водѣ. Все это и сказалось. Теперь Мокинъ уже не могъ работать, а промышлялъ разными дѣлами. Въ Кушву (въ Среднемъ Уралѣ) наѣзжали постоянно золотопромышленники, искавшіе счастья, и Мокинъ являлся однимъ изъ первыхъ, долго топтался на одномъ мѣстѣ и потомъ сообщалъ таинственнымъ образомъ:

— А у меня есть на примѣтѣ одно мѣстечко...

Затѣмъ онъ таинственно добывалъ изъ-за пазухи или изъ-за голенища тряпочку, въ которой были завернуты «знаки»: въ одной тряпочкѣ нѣсколько долей розсыпного золота, въ другой—кварцъ, съ вкрапленнымъ въ него золотомъ, въ третьей—съ ползолотника платины. И разговоръ шелъ короткій:

— Вѣрное дѣльце, ваше степенство! Вотъ какъ будете благодарить Силу Мокина...

Въ Гороблагодатскомъ казенномъ округѣ всѣ земли были открыты для частной золотопромышленности, и развилась настоящая золотая лихорадка. Нѣкоторымъ повезло, и эти счастливцы являлись живымъ примѣромъ для всѣхъ остальныхъ. Въ Кушвѣ, какъ въ центрѣ всего Гороблагодатскаго округа, складывались цѣлыя легенды, какъ отыскивали золото, причемъ исторія повторялась съ небольшими варіантами одна и та же: пришелъ мужичекъ, вытащилъ изъ-за пазухи грязную тряпочку, и т. д. О тѣхъ, кто прогоралъ на промыслахъ, быстро забывали, какъ забываютъ дурной сонъ. Сначала, мужички, дѣйствительно, говорили правду, и если случалось

обмануть, то не по своей винѣ. Такое ужъ азартное дѣло, что они сами начинали вѣрить въ свои «знаки» и разныя завѣтныя мѣста. Потомъ явились мужички похитрѣе, которые уже завѣдомо шли на обманъ, только бы соврать получше да сорвать задатокъ. Лучше всѣхъ въ этомъ отношенiи проявилъ себя Сила Мокинъ, обманывавшiй направо и налѣво. У него прежде всего была подкупающая наружность—широкое бородатое лицо, смотрѣвшее такъ прямо глаза; а потомъ Сила Мокинъ не лазилъ за словомъ въ карманъ и умѣлъ заговорить зубы кому угодно, только слушай.

Въ «казенное время», когда дѣлали развѣдки золота казенные инженеры, Мокинъ участвовалъ въ поисковыхъ партiяхъ и хлебнулъ горя досыта, вмѣстѣ съ другими, приписанными къ казеннымъ заводамъ, крестьянами и мастеровыми. Время было строгое, и казенное дѣло велось на военную ногу. Чуть что—сейчасъ казаки пропишутъ такую баню, что не скоро забудешь. Именно въ это время, Мокинъ набрался всякихъ свѣдѣнiй по золотому дѣлу и зналъ всѣ мѣста кругомъ не на одну сотню верстъ, чѣмъ и воспользовался впослѣдствiи, когда явились частные золотопромышленники, а онъ обезножилъ, какъ опсен-

ная лошадь. Нужно и то сказать, что у Мокина была необыкновенная память: разъ онъ увидѣлъ или услышалъ—точно топоромъ зарубилъ.

Удивительнѣе всего было то, что нѣсколько изъ указанныхъ имъ мѣстъ «оправдали себя», т. е. въ нихъ нашли обѣщанное золото. Другіе мужики, промышлявшіе обманомъ золотопромышленниковъ, часто корили за это Мокина.

— Прохарчилъ опять мѣстечко, безногій чортъ!.. Этакъ скоро и житья не будетъ нашему брату. Всѣ на тебя пальцами указываютъ...

— А кто его зналъ, что тамъ золото оправдается!—говорилъ Мокинъ, разводя руками.—Зря сболтнулъ, за красный билетъ, а оно вонъ что вышло... Не моя причина, ежели у меня на золото рука легкая...

Вообще Сила Мокинъ пользовался извѣстной репутаціей, и чѣмъ онъ больше вралъ, тѣмъ больше ему вѣрили. Послѣднее удивляло даже самого Мокина, когда онъ повторялъ, какъ урокъ, всѣмъ одно и то же. Люди, ослѣпленные жаждой быстрой наживы, точно теряли умъ отъ одного слова «золото».

Такъ промышлялъ Мокинъ больше десяти лѣтъ и жилъ себѣ помаленьку, хотя и

случалось иногда голодать, когда не было работы. Надо же, въ самомъ дѣлѣ, какъ-нибудь жить, а у купцовъ, все равно, деньги дикія. Но года два, какъ дѣла у Мокина пошли совсѣмъ плохо, и счастье точно откачнулось отъ него. Придетъ, начинаетъ врать—и ничего не выходитъ.

— Сбѣсились проклятые купцы...—ругался Мокинъ.—Все равно, кому-нибудь другому повѣрятъ.

Такъ и выходило, что вѣрили другимъ, и эти другіе получали задатки.

— Знаемъ мы тебя, сахара!—говорили Мокину купцы и прибавляли:—тебѣ, первое дѣло, шею нужно накостылять, старому чорту, чтобы не обманывалъ публику.

— Ахъ, Бож-же мой!.. да я... да провалиться сейчасъ на это самомъ мѣстѣ, ежели я...

— Ладно, разговаривай!..

Очевидно, всю практику у Мокина отбили болѣе счастливые конкурренты, которые умѣли говорить другія, болѣе убѣдительныя слова. Старику приходилось все болѣе и болѣе голодать, одежонка обносилась, изба тоже сдѣлалась холодной—одно шло къ одному.

II.

— Эхъ, какая непогодь!—ворчалъ Мокинъ, чувствуя, какъ холодный вѣтеръ точно ощупывалъ его дырявую шубенку, чтобы проморозить до самой души. — Ну, братъ, шалишь!.. Вотъ ужо такую шубу себѣ укупимъ... да.

Въ послѣдніе годы завѣтной мечтой Мокина была шуба. Да, настоящая шуба изъ лохматой и жесткой степной овчины. Онъ, размечтавшись о будущемъ, даже чувствовалъ крѣпкій дубленый запахъ отъ этой шубы и скрытую въ ней благодатную теплоту. Вѣдь Сила Мокинъ мерзъ и колѣлъ отъ холода цѣлую жизнь, но тогда былъ молодъ, а сейчасъ стало не подъ силу. Другой мечтой Силы Мокина было «горяченькое». Раньше онъ могъ питаться одпимъ хлѣбомъ, а сейчасъ его мучилъ голодъ. Хорошо бы пшенную кашку сварить, горошницу, картошки поджарить, щи изъ крупы...

Сила Мокинъ шелъ и мечталъ. Да, плохо его дѣло. Главное, старость начала одолѣвать. Того гляди и помирать пора... Долго крѣпился старикъ, но дальше стало не въ моготу, и онъ рѣшилъ пустить послѣднее средство, которое берегъ про за-

пасъ. У него, дѣйствительно, было одно завѣтное мѣстечко съ самымъ вѣрнымъ золотомъ, но онъ его берегъ про черный день, чтобы продать навѣрняка. Когда-то думалъ, что сдѣлаетъ заявку самъ; но заявка стоила не меньше сотеннаго билета, да жди годъ или два отвода—хлопотамъ бѣдному человѣку и конца-краю не будетъ. Нужда и нездоровье заставили прибѣгнуть къ послѣднему средству.

— Прямо приду къ Ивану Митричу и скажу: на, получай, твое, значитъ, счастье!—думалъ Мокинъ, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ снѣга.—Не въ мочь стало...

Иванъ Митричъ былъ великой силой. Онъ покупалъ и продавалъ пріиски десятками, и желающіе попытать золотого счастья обращались теперь уже прямо къ нему, избѣгая измотавшихся мужиковъ, обманывавшихъ направо и налѣво. Въ нѣсколько лѣтъ Иванъ Митричъ разбогатѣлъ и забралъ великую силу. У него явился новый полукаменный двухъ-этажный домъ, свои лошади и всѣ остальные атрибуты туго сколоченнаго счастья.

На счастье Мокина, Иванъ Митричъ оказался дома. Это былъ плотный, румяный мужчина, ходившій въ «трухмаль-

ныхъ» рубахахъ. Онъ узналъ Мокина и весело проговорилъ:

— Ну, каково прыгаешь, старичокъ?

— Не до прыганья, Иванъ Митричъ... Болѣсть одолѣла, работать не могу, ѣсть нечего... Изнищалъ въ конецъ. Вотъ пришелъ къ тебѣ поговорить...

— Мѣстечкомъ обмануть хочешь?

— Зачѣмъ обманывать, Иванъ Митричъ?... Грѣшно обманывать. Прежде по малодушеству случалось, а нынче мы этимъ дѣломъ не занимаемся...

— Такъ, такъ... Заговаривай зубы, старичокъ! Ну, какъ дальше?

— А все то же, Иванъ Митричъ... Про запасъ оставлялъ мѣстечко, ну, а ужъ теперь въ конецъ устигла нужда... Хоть по міру идти, такъ въ самую пору. Обносился, ѣсть нечего.

Иванъ Митричъ громко расхохотался.

— Ха-ха... Была у волка одна пѣсня, да и ту ты перенялъ?—говорилъ онъ.

— Въ самый разъ, Иванъ Митричъ: истинно волкомъ вою...

— Такъ ужъ ты того, Сила, кого-нибудь другого обманывать иди, а меня не разжалобишь. Стара штука...

— Иванъ Митричъ... ахъ, Боже мой...

Да я... вотъ съ мѣста не сойти, ежели обману...

— Ладно, ладно... У васъ у всѣхъ и слова-то одинаковыя...

— Да, вѣдь, мы чужестранныхъ купцовъ обманывали, Иванъ Митричъ, а тебя-то гдѣ обмануть!

Иванъ Митричъ хохоталъ до слезъ. Очень ужъ просто хотѣлъ обмануть его вороватый мужиченка.

— Вотъ что я тебѣ скажу, Сила,—заговорилъ онъ, вытирая глаза шелковымъ платкомъ.—Покажи мнѣ къ примѣру, какъ будто ты говоришь сущую правду...

— Иванъ Митричъ, голубчикъ, да я...

— Нѣтъ, не выходитъ. Ну-ка, еще попробуй... Припомни, какъ прежде обманывалъ другихъ, и говори. Двугривенный за труды получишь...

— Да, Иванъ Митричъ, будь отцомъ роднымъ... Правильное мѣсто, самъ хотѣлъ заявку дѣлать...

— Такъ, такъ... Дальше валяй.

— Не хватило, значитъ, силы-мочи... И мѣсто-то совсѣмъ близко, вскрыша верховика до песковъ всего два аршина, рѣчка по близости... Знаки правильные: со ста пудовъ песку будетъ падать вѣрныхъ долей шестьдесятъ. Богачество... А главная

причина въ томъ, что совсѣмъ близкое мѣсто, прямо рукой подать. Другіе протчіе народы все дальше идутъ, точно золото схоронилось въ какой трущобѣ; а оно совсѣмъ близко, подъ носомъ... Потому и осталось, что близко.

— Валяй, валяй... Совсѣмъ похоже на правду. Ну, такъ ты, значитъ, продаешь мѣсто?

— И даже очень, Иванъ Митричъ... Задатку дашь, если милость будетъ, ну, пять красныхъ бумажекъ, а тамъ, глядя по дѣлу, не обидишь старика...

— Значитъ, пай хочешь получить?

— Какой тамъ пай!.. Какъ твоя милость пожалѣетъ старика—вотъ и весь пай.

— Ну, а гдѣ мѣсто-то?

Сила Мокинъ замялся.

— Сказать оно, конечно, отчего не сказать, Иванъ Митричъ, только ты мнѣ сперва задатокъ выдай... пять красненькихъ... Ну, тогда и сурьезный разговоръ будетъ.

Иванъ Митричъ такъ и прыснулъ отъ смѣха. Все старикъ говорилъ, какъ правду, а тутъ и сорвался.

— Нѣтъ, не вышло у тебя подъ конецъ, Сила!

— Иванъ Митричъ, да сейчасъ провалиться, ежели вру. Ахъ, Боже мой!..

Иванъ Митричъ сунулъ ему обѣщанный двугривенный и велѣлъ убираться.

— Нѣтъ, прежде ты лучше умѣлъ подъ правду говорить, а сейчасъ ничего не выходитъ.

III.

Старикъ Мокинъ вышелъ отъ Ивана Митрича въ какомъ-то туманѣ. У него даже передъ глазами рябило. А вьюга такъ и выла, точно хотѣла смести съ лица земли стараго промысловаго волка.

— За что, Господи?—думалъ онъ, напрасно перебирая въ умѣ, къ кому бы еще ему зайти.

Время стояло зимнее, глухое, а золотопромышленники наѣзжали въ Кушву только подъ весну, о великомъ постѣ. Идти домой, чтобы голодать и зябнуть—не стоило. Лучше ужъ околѣть на улицѣ, какъ бездомной собакѣ.

— Развѣ толкнуться къ Пашкѣ Горбунову? Еще, пожалуй, въ шею попадетъ, ежели подъ пьяную руку...

Но выбирать было не изъ чего, и Сила Мокинъ потащился на другой конецъ завода, черезъ плотину. Прежде у Мокина съ Пашкой бывали дѣла, т. е. Мокинъ обманывалъ Пашку. Впрочемъ, и другіе то-

же его обманывали. Пашка уже лѣтъ пять, какъ прогорѣлъ окончательно и періодически пилъ запоемъ. Когда-то богатый купеческій домъ, устроенный такъ же, какъ и у Ивана Митрича, быстро ветшалъ, и половина оконъ была закрыта наглухо ставнями. Калитка стояла открытой,—на дворѣ нечего было взять не то, что ворамъ, а и самому хозяину. Въ кабинетѣ виднѣлся, впрочемъ, огонь, и Мокинъ отправился на кухню, чтобы вызнать предварительно, въ какомъ видѣ хозяинъ.

— Въ самомъ лучшемъ видѣ...—сурово объяснила старуха кухарка.

Когда-то Горбуновскій домъ былъ полная чаша, а сейчасъ изъ каждаго угла вѣяло мерзостью запустѣнія. Жену и дѣтей Пашка выгналъ и жилъ совершенно одинъ, пропивая послѣднее. Мокинъ помнилъ расположеніе комнатъ и ощупью добрался до хозяйскаго кабинета. Пашка лежалъ на диванѣ съ папироской. Онъ повернулъ свое опухшее отъ пьянства лицо и спросилъ:

— Тебѣ чего нужно, идолъ?

— Павелъ Мартынычъ, до вашей милости...

— Ахъ, ты... Подходи ближе,—я тебя тресну, а то лѣнь подниматься.

— Виноватъ, Павелъ Мартынычъ... Дѣйствительно, былъ такой грѣхъ: всего два раза обманулъ тебя. Хотѣлъ еще въ третій разъ обмануть, да ты тогда чуть меня не убилъ...

— И слѣдовало убить... Такъ ты сейчасъ опять меня пришелъ обманывать? Убирайся... растерзаю...

— Какой же это разговоръ, Павелъ Мартынычъ?.. Развѣ бы я посмѣлъ, ежели што... А мѣстечко, дѣйствительно, есть... Я сейчасъ отъ Ивана Митрича!.. Прогналъ онъ меня. «Не умѣешь, гритъ, правду говорить, а ступай, гритъ, по-волчьи вовой». Охъ, трудно, Павелъ Мартынычъ... А мѣстечко-то совсѣмъ правильное, для себя берегъ. Ну, а теперь не къ чему стало и беречь... Помирать приходится...

Папка засмѣялся, какъ давеча Иванъ Митричъ.

— Ну, ну, ври дальше, старый чортъ!..

— Нечего мнѣ врать: весь тутъ, дома ничего не оставилъ...

Покоры враньемъ, наконецъ, озлобили старика, и онъ началъ ругаться.

— Ничего вы всѣ-то не понимаете!—кричалъ онъ.—Когда вралъ, такъ всѣ вѣрили; а когда говорю правду, такъ не вѣрите... да. А сами, какъ слѣпые котята у чашки съ

молокомъ;—надо каждаго рыломъ тыкать въ молоко...

Этотъ взрывъ негодованія развеселилъ Пашку. Онъ удушливо хохоталъ, запрокинувъ голову. Вотъ такъ старичокъ, истинно сказать—уважилъ.

— Ай, дѣдко! Ну, позолоти еще... Ахъ, прокуратъ!.. Совсѣмъ позабылъ, какъ и обманываютъ добрыхъ людей... Прежде-то куда лучше обманывалъ. Похоже было на правду... Съ меня два раза тогда содралъ задатки. Ну, ну, дѣлай!..

Мокинъ впалъ въ бѣшенство. Онъ бросилъ свою рваную шапчонку о-земь и какъ-то захрипѣлъ:

— Я?!. вру?!. Да вы, идолы, разѣ можете понимать что-нибудь?!. На нашемъ мужицкомъ горбѣ выѣзжали всю жисть... Кровопивцы вы, вотъ что... Вамъ вотъ смѣшно, когда правду говорятъ...

— А ну, скажи, гдѣ золото?

— И скажу...

— Да я и самъ знаю твое мѣсто... Такъ и называется: не положилъ—не ищи.

— А вотъ и врешь, Павелъ Мартынычъ.. Теперь ужъ, видно, я надъ тобой посмѣюсь.

— А ну, посмѣйся...

Мокинъ имѣлъ ужасный видъ. Блѣд-

ный, съ округлившимися глазами, онъ весь трясся, какъ въ жестокой лихорадкѣ.

— Я?!. я вру?!.—бормоталъ онъ въ изступленіи.

— Да ты мѣсто-то укажи... Соври еще разокъ,—вѣдь не дорого дано.

Старикъ подошелъ къ нему совсѣмъ близко и съ пѣной у рта проговорилъ:

— Про Кривые-Лужки слыхивалъ? Всего-то верстовъ съ десять... Ну, тамъ еще старые казенные ширпы остались... у ключика, гдѣ лотокъ на-двое расходится...

— Будетъ, будетъ, уморилъ!.. Да кто Кривыхъ-Лужковъ не знаетъ? Ахъ, ты, прокуратъ, чѣмъ надуть хотѣлъ...

Старикъ хотѣлъ еще что-то сказать, но только махнулъ рукой. Онъ поднялъ свою шапку съ полу, нахлобучилъ ее и, не оглядываясь, вышелъ, какъ пьяный.

Утромъ его нашли замерзшимъ на заводскомъ пруду. Старикъ, вѣроятно, выбралъ дорогу поближе, обезсилѣлъ и замерзъ.

Пашка Горбуновъ сдѣлалъ заявку въ Кривыхъ-Лужкахъ и снова разбогатѣлъ.

МОНЕТКА.

Разсказъ.

I.

Въ Пропадинскѣ онъ появился неизвѣстно откуда, точно свалился съ неба, причемъ выбралъ и время самое неудобное—послѣдніе дни передъ самымъ Рождествомъ, когда стоялъ сильный морозъ. Первымъ открылъ его присутствіе базарный староста Провъ Силантьичъ Иковъ, который по обязанности службы раннимъ утромъ, еще до свѣта, обходилъ на Черномъ рынкѣ ряды крестьянскихъ возовъ съ разными деревенскими продуктами. Смотритъ Провъ Силантьичъ, а между возами ходитъ неизвѣстный человѣкъ съ какой-то деревянной шкатулкой черезъ плечо на широкомъ ремнѣ. Всего удивительнѣе было то, что, несмотря на страшный морозъ, неизвѣстный человѣкъ ходилъ въ одномъ осеннемъ рва-

комъ пальто, а голову пресмѣшно замоталъ для тепла какимъ-то бабьимъ платкомъ.

Провъ Силантьичъ привыкъ считать себя начальствомъ и довольно строго спросилъ:

— Что есть за человѣкъ и въ какомъ смыслѣ шатаешься между возами?

— А я только сегодня пріѣхалъ... совсѣмъ только сегодня... Ей Богу!—отвѣтилъ неизвѣстный человѣкъ, поскакивая съ ноги на ногу, чтобы согрѣться.—Уфъ—какой страшный холодъ...

— Мнѣ это все единственно, пріѣхалъ ты или пришелъ, а можетъ-быть ты воръ?..

— О, храни Боже... И что только скажетъ купецъ, такой славный русскій купецъ!..

— Паспортъ имѣешь?

— О, настоящій паспортъ... и марки и печать настоящія...

Провъ Силантьичъ посмотрѣлъ на незнакомца, поднялъ брови и спросилъ:

— А въ какомъ смыслѣ ты между возами шляешься?

— О, я-же товаръ продаю мужичкамъ... У меня всякій товаръ, какого кто хочетъ. Я дешевле всѣхъ на свѣтѣ продаю.... такъ дешево, что даже и придумать дешевле не-

возможно, потому я мѣдныхъ дѣлъ мастеръ...

— Можетъ и фальшивую монету умѣешь приготовлять?

— О, какъ это можно... Пхе-е! У васъ есть самоваръ—я его сдѣлаю, какъ новый, кастрюли починиваемъ, лампы, часы, старое платье покупаемъ, играемъ музыку на вечерахъ... Я все могу, и вы будете довольны и всегда скажете: вотъ молодецъ.

— Такъ, такъ, вижу, что кругомъ молодецъ, пойдемъ-ка въ участокъ, тамъ разберутъ...

При словѣ «участокъ» незнакомецъ какъ-то весь съежился и даже сдѣлалъ движеніе, какъ человѣкъ, который хочетъ убѣжать. Но Провъ Силантьичъ уже держалъ его за воротъ.

— А, вотъ, ты кто таковъ... Нечего сказать, хорошъ купецъ. Въ участокъ! Тамъ, братъ, все разберутъ.

Полицейское управленіе было въ двухъ шагахъ, сейчасъ подъ пожарной каланчей. Неизвѣстный человѣкъ при входѣ сдѣлалъ еще попытку скрыться, но Провъ Силантьичъ его удержалъ.

— Иди, иди, другъ, тамъ все разберутъ.

Въ участкѣ сидѣлъ околоточный Иванъ Митричъ, провѣрявшій ночную добычу.

Двое подобраны на улицѣ въ безчувственномъ состоянiи, поймали вора, сломана у кладбищенской церкви кружка, у извозчика угнали лошадь и т. д.

— Подожди, не до тебя, — ворчалъ Иванъ Митричъ, когда Иковъ предъявилъ неизвѣстнаго подозрительнаго человѣка, который успѣлъ сдернуть съ головы платокъ и предсталъ во всей красотѣ. Это былъ тщедушный старикъ еврей, беззубый, съ сильной просѣдью и слезившимися глазами. Большiя уши торчали у него, какъ у летучей мыши.

— Паспортъ... — коротко проговорилъ Иванъ Митричъ.

Читая заявленный листъ, онъ нѣсколько разъ осматривалъ предъявителя съ ногъ до головы и, очевидно, свѣрялъ примѣты.

— Что же, паспортъ того... правильный, Исай Левдикъ?

— Онъ самый, ваше высокое благородiе...

— А ты хорошенько посмотри паспортъ-то,—настаивалъ Провъ Силантьчъ.—Можетъ, воръ.

— Ну, этого въ паспортахъ не пишутъ. Онъ, вонъ, мастеръ...

— О, я все могу!—увѣрялъ Левдикъ.— Вы только скажите: «почини часы, Исай-

ко!» Или: «Исайко, достань мнѣ такое... чего и не придумать».

— Вотъ видишь?—засмѣялся околоточный, обращаясь къ сомнѣвавшемуся Прову Силантьичу.—Отъ скуки на всѣ руки... Какъ ты сюда-то попалъ, орелъ?

— А я въ Томскѣ съ губернаторомъ поссорился. Онъ мнѣ и сказалъ: «Убирайся вонъ».—Да. Только и всего. У! какой строгій губернаторъ. Я, говоритъ, покажу тебѣ черту осѣлости. «Вонъ»... Серьезно сказалъ.

Въ Пропадинскѣ, крошечномъ уѣздномъ зауральскомъ городишкѣ, до сихъ поръ не было ни одного еврея, и это окончательно смутило благочестиваго Прова Силантьича. Были нѣмцы, были татары, былъ даже ссыльный черкесъ, а отъ евреевъ Богъ помиловалъ. И паспортъ правильный—значитъ самъ поддѣлалъ. Навѣрно, фальшивый монетчикъ.

— Ничего нельзя подѣлать,—говорилъ Иванъ Митричъ, когда Левдикъ ушелъ.

— Зачѣмъ же онъ упирался и хотѣлъ бѣжать, если его дѣло правое? Честный человѣкъ не побѣжитъ...

— А кто его знаетъ. Вѣдь ты не былъ у него на умѣ. А паспортъ правильный. Ремесленникъ, значитъ, можетъ жить.

II.

Въ Пропадинскѣ было всего двѣ тысячи жителей, которые жили какъ-то такъ, неизвѣстно чѣмъ. Купцы сидѣли въ лавкахъ, чиновники служили, мѣщане исполняли все остальное, чего требовалъ несложный обиходъ городишки. Оживлялся городъ только зимой, когда начиналась торговля хлѣбомъ. Въ общемъ жили не дурно, а такъ себѣ—ни шатко, ни валко, ни на сторону. Такое ничтожное событіе, какъ появленіе перваго еврея, сдѣлалось чуть не злобой дня.

А Левдикъ уже устроился въ окраинѣ города, гдѣ появилась вывѣска: «Мастеръ мѣдныхъ дѣлъ». Работы на первое время не было и онъ каждое утро, какъ на службу, отправлялся на рынокъ. Подойдетъ къ возу съ хлѣбомъ, спроситъ цѣну и покачаетъ головой.

— Охъ, и зачѣмъ только бѣдному человѣку нужно хлѣбъ ѣсть.

Черезъ нѣсколько дней онъ зналъ уже цѣны рѣшительно на все и что-то такое прикидывалъ въ умѣ. Всякая торговля влекла его къ себѣ неудержимо, и онъ по цѣлымъ часамъ стоялъ, прислушиваясь, какъ городскіе прасолы сбиваютъ цѣны у мужиковъ.

Понялъ Левдикъ, обошелъ всѣ лавки и магазины, гдѣ на него смотрѣли, какъ на рѣдкаго и смѣшного звѣря.

— Ну, чего стоишь? — накидывались приказчики.

— А такъ... Можетъ быть вамъ какую нибудь мѣдную работу нужно. А то я и на скришкѣ играю...

Купцы только качали головами. Вотъ мастеръ, нечего сказать. Отъ скуки они выкидывали надъ нимъ разныя веселыя штуки и по пути дали кличку: Монетка. Исайко-Монетка—такъ эта кличка и пошла гулять.

Съ легкой руки Икова всѣ почему-то подозрѣвали Левдика въ изготовленіи фальшивой монеты.

Доказательствъ и уликъ не было, но это еще ничего не значило—не сдѣлалъ, такъ сдѣлаетъ. Потомъ всѣхъ занимала «религія» Левдика. Ни господскихъ, ни богородичныхъ праздниковъ не признаетъ, ни праздествъ,—однимъ словомъ, хуже всякаго татарина.

— Татаринъ вотъ какъ знаетъ своего Аллу,—разсуждали купцы.—А ты, Монетка, ни два—ни полтора.

Особенно донимали Левдика по субботамъ. Нарочно подошлютъ молодцовъ съ

какой-нибудь работой и мѣшаютъ справлять шабашъ.

Въ субботу Левдикъ точно сходилъ съ ума и ничего не понималъ. Сидитъ, бормочетъ и въ руки ничего не возьметъ. Купцы, давшіе работу, нарочно посылали деньги въ субботу—возьметъ онъ или не возьметъ. Левдикъ не бралъ, что до извѣстной степени подняло его авторитетъ.

— Значитъ, тоже свой законъ держитъ. Сколько разовъ прямо въ руки ему деньги совали—ни-ни, не беретъ. А ужъ, кажется, на что всѣ они жадные до денегъ.

Благодаря своей неизсякаемой энергіи и терпѣнію, Левдикъ устроился скоро. И работу разыскалъ. И на скрипкѣ игралъ на святкахъ, и порученія всевозможныя исполнялъ, и умѣлъ все сдѣлать дешевле другихъ. Околоточный Иванъ Митричъ нарочно посылалъ за нимъ, когда что-нибудь было нужно къ спѣху.

— Ты, Монетка, смотри,—одна нога здѣсь, другая тамъ... Понимаешь?

— Я?! Да я изъ кожи своей вылѣзу для высокаго благородія. На что жиду кожа, а было бы начальство довольно.

— Ладно, ладно... Только смотри у меня на счетъ фальшивой монеты—не потерплю.

Въ теченіе полугода всѣ какъ-то привыкли къ Монеткѣ, точно онъ всегда жилъ въ Пропадинскѣ. Исключеніе составлялъ одинъ Иковъ, благочестивый и богобоязненный старичекъ, который всегда отплевывался, когда Монетка проходилъ мимо.

— Христа продалъ, скверновецъ!— ворчалъ старикъ.

Къ Левдику даже его доброхоты относились какъ-то не по-человѣчески. Ну, что ему сдѣлается, еврею. Вонъ, цѣлую зиму проходилъ безъ шубы. Другой бы подохъ, а Монетка только подпрыгиваетъ да ожигается. Какъ жилъ этотъ Левдикъ, что у него было на умѣ—никого, конечно, не интересовало. Всѣ знали только одно: ужъ жидъ устроится само собой. Вотъ наши мастера мѣдники пьянствуютъ и чужія вещи пропиваютъ, которыя отдаютъ имъ въ починку, да еще походи за такимъ мастеромъ, да покланяйся, а Монетка самъ придетъ за работой и самъ принесетъ ее въ срокъ. И работаетъ чисто, нечего похаять.

— Что же, извѣстно, жидъ...—объясняли всѣ.—Водка ему не полагается, вотъ главная причина. Что ему не жить...

Общее удивленіе достигло послѣдняго предѣла, когда весной Монетка пришелъ на рынокъ въ сопровожденіи молодого ев-

рейчика съ красными припухшими вѣками и торчавшими ушами.

— Это еще что за звѣрь?—изумлялись купцы.

— А сынъ...

— Чей сынъ?

— А мой... Я его самъ родилъ, значитъ —мой.

— По ушамъ-то какъ разъ твой будетъ. Ну, и Монетка... Ловко.

Кажется, ничего не было удивительнаго въ томъ, что у человѣка есть сынъ, но всѣ считали нужнымъ удивляться. Старичекъ Иковъ даже обидѣлся:

— Вотъ вамъ и второй фальшивый монетчикъ. Да... Вотъ какъ посматриваетъ.

— Янкель у меня и на музыкѣ играетъ и по портновской части,—объяснялъ счастливый Монетка.—У, какой способный дитю...

Изъ Томска съ первымъ пароходомъ пріѣхала къ Левдику вся семья, состоявшая изъ восьми душъ—жена, три сына и четыре дочери. Они пріѣхали уже на все готовое и размѣстились всѣ въ одной комнатѣ. Купцы только теперь догадались, что Монетка не только плутъ, но и богатъ. Вѣдь такую семьищу надо прокормить. По сапожкамъ купить, такъ восемь паръ нужно, а

это кругленькую копеечку стоитъ. Когда приставали къ Левдику, онъ въ какомъ-то умиленіи закрывалъ глаза и точно оправдывался.

— Будетъ день—будетъ хлѣбъ. О, у меня жена такая умная... Она тоже все умѣетъ.

— И тоже съ губернаторомъ ссорилась?

— Нѣтъ, губернаторъ меня гонялъ... «Я, говоритъ, серьезный человѣкъ, а ты—жидъ». Онъ не зналъ, что мы всѣ голодомъ должны были помереть, если бы Янкель не игралъ на музыкѣ лучше меня...

III.

Жена Левдика, дѣйствительно, оказалась умной. Сначала она ничѣмъ не проявляла себя, а потомъ начала ходить по домамъ и скупать старое, поношенное платье. Дѣло велось потихоньку, по-семейному. Чиновницы были даже рады этой статьѣ дохода, потому что мало ли въ домѣ наберется разной рвани, а рубль деньги. Купчихи, и тѣ не брезговали и охотно подъ сурдинку сбывали разный хламъ.

— Куда ты такое барахло скупаешь, Лія?—удивлялись продавщицы.—На улицу выбросить, такъ никто не подниметъ...

— У насъ уйдетъ,—объясняла Лія.—И даже очень уйдетъ...

Подъ вывѣской «Мѣдныхъ дѣлъ мастеръ» открылась настоящая портновская мастерская. Тутъ всѣмъ было достаточно работы. Янкель былъ закройщикомъ, а остальные шили. Работа начиналась съ ранняго утра и кончалась позднимъ вечеромъ.

— И хитрые какіе, что придумали,—удивлялись сосѣди.—Какъ ни поглядишь, —все работаютъ. Прямо сказать: жадные. Лучшія вещи подновлялись, а потомъ куда-то отправлялись. Самыя плохія шли на шапки и фуражки. Этотъ послѣдній товаръ имѣлъ хорошій сбытъ, особенно среди крестьянъ. Городскіе торговцы шапками ходили даже жаловаться на Левдика полицеймейстеру, чтобы унялъ разбойниковъ.

— Продавайте и вы дешевле—вотъ и все,—посовѣтовалъ полицеймейстеръ.

— Никакъ невозможно, вашескородіе. Самимъ дороже стоитъ, а они не иначе, какъ изъ краденаго дѣлаютъ...

— Вотъ и мѣдники тоже приходили жаловаться и тоже говорятъ, что Монетка изъ краденой мѣди работаетъ. А забыли поговорку: не пойманъ,—не воръ.

Такъ и ушли ни съ чѣмъ.

Обозленные лавочники теперь не давали Левдику прохода.

— Эй, ты, Монетка, ты это что же дѣлаешь?

— Какъ что? Работаю...—удивлялся Левдикъ.

— Какая же это работа!—Ты такъ по міру пустишь со своей-то работой. Въ колья васъ всѣхъ надо, работниковъ... Всѣ цѣны на товаръ сбили.

Больше всего возмущало то, что еврейская семья ютилась въ одной комнатѣ, выгадывая на квартирной платѣ, а потомъ ѣли они Богъ знаетъ что—одинъ хлѣбъ съ лукомъ. Этакъ и всякій можетъ разбогатѣть. Да еще работаютъ по воскресеньямъ, когда добрые люди Богу молятся.

— Мы въ субботу не работаемъ,—оправдывался Левдикъ.

— Это дѣло ваше, а вотъ воскресенье...

Даже солидные купцы начали коситься на Монетку. Что же это въ самомъ дѣлѣ: сегодня мѣдныхъ дѣлъ мастеръ, завтра музыкантъ, послѣзавтра портной, а тамъ и еще что нибудь объяснится. Не даромъ Монетка шляется по базару да всѣ цѣны узнаетъ. Того гляди къ хлѣбному дѣлу пристроится или кабакъ откроетъ. Отъ такого человѣка всего можно ожидать. Конечно,

работаютъ, живутъ тѣсно, мрутъ съ голода, а все-таки, кто ихъ знаетъ, что у нихъ на умѣ.

Больше всѣхъ волновался Иковъ и повторялъ:

— Я говорилъ, что дѣло не чисто! Да... Вотъ оно по-моему и выходитъ.

Время шло. Къ еврейской семьѣ въ теченіе года успѣли привыкнуть, по крайней мѣрѣ, никто не удивлялся, когда встрѣчали вѣчно куда-нибудь торопившагося Левдика. Что же, на то онъ жидъ, чтобы торопиться. Такъ ужъ ему назначено. Но тутъ случилось нѣчто такое, что сдѣлало Левдика опять предметомъ общаго вниманія. Дѣло было весной, когда въ Пропадинскѣ разыгралась эпидемія скарлатины и дифтерита. Лія за безцѣнокъ купила у какой-то чиновницы все платье послѣ умершаго отъ дифтерита ребенка, принесла его домой и заразила всю семью. Въ одну недѣлю умерло три маленькихъ Левдика, а еще черезъ недѣлю и сама Лія. Ни чиновница, продававшая зараженное платье, ни сама Лія, покупавшая его, конечно, не имѣли никакого понятія о томъ, что дѣлаютъ.

— Все равно, ежели бы не у меня, такъ у кого нибудь другого она купила бы платье послѣ больного,—оправдывалась чинов-

ница, когда докторъ ей объяснилъ въ чемъ дѣло.—Да и то сказать, кто бы подумалъ, что евреямъ что нибудь сдѣлается отъ такихъ пустяковъ.

Докторъ только развелъ руками. Извольте объяснять что нибудь обывателямъ Пропадинска, которые привыкли, чтобы ихъ дѣти умирали, какъ мухи, весной отъ дифтерита и скарлатины, горлышкомъ, какъ говорили, лѣтомъ—отъ дизентеріи, а зимой отъ цѣлой коллекціи тифовъ. Святая наука въ непроходимыхъ дебряхъ пропадинскаго невѣжества едва теплилась замиравшимъ болотнымъ огонькомъ.

Левдикъ не показывался на рынкѣ цѣлый мѣсяцъ. Купцы уже начинали забывать о его существованіи, какъ въ одно прекрасное утро онъ появился. Его не встрѣтили обычными шутками, а всѣ ждали, что онъ самъ будетъ дѣлать. Прежде всего удивило всѣхъ то, что лицо у Левдика было совсѣмъ веселое, и онъ даже улыбался.

— Ну, что, Мопетка, какъ поживаешь?

— Ничего, поживаю... слава Богу.

— Жену-то, поди, тоже жаль?

— Жену? Какую жену?

— А дѣтокъ тоже жаль?

— Какихъ дѣтокъ?—удивился Лев-

дикъ.—У меня есть скрипка... Я музыкантъ мѣдныхъ дѣлъ... веселые Исайка много играетъ... танцы играю, да... Я играю, а другіе танцуютъ. «Исайко, играй шибче!»... весело играетъ...

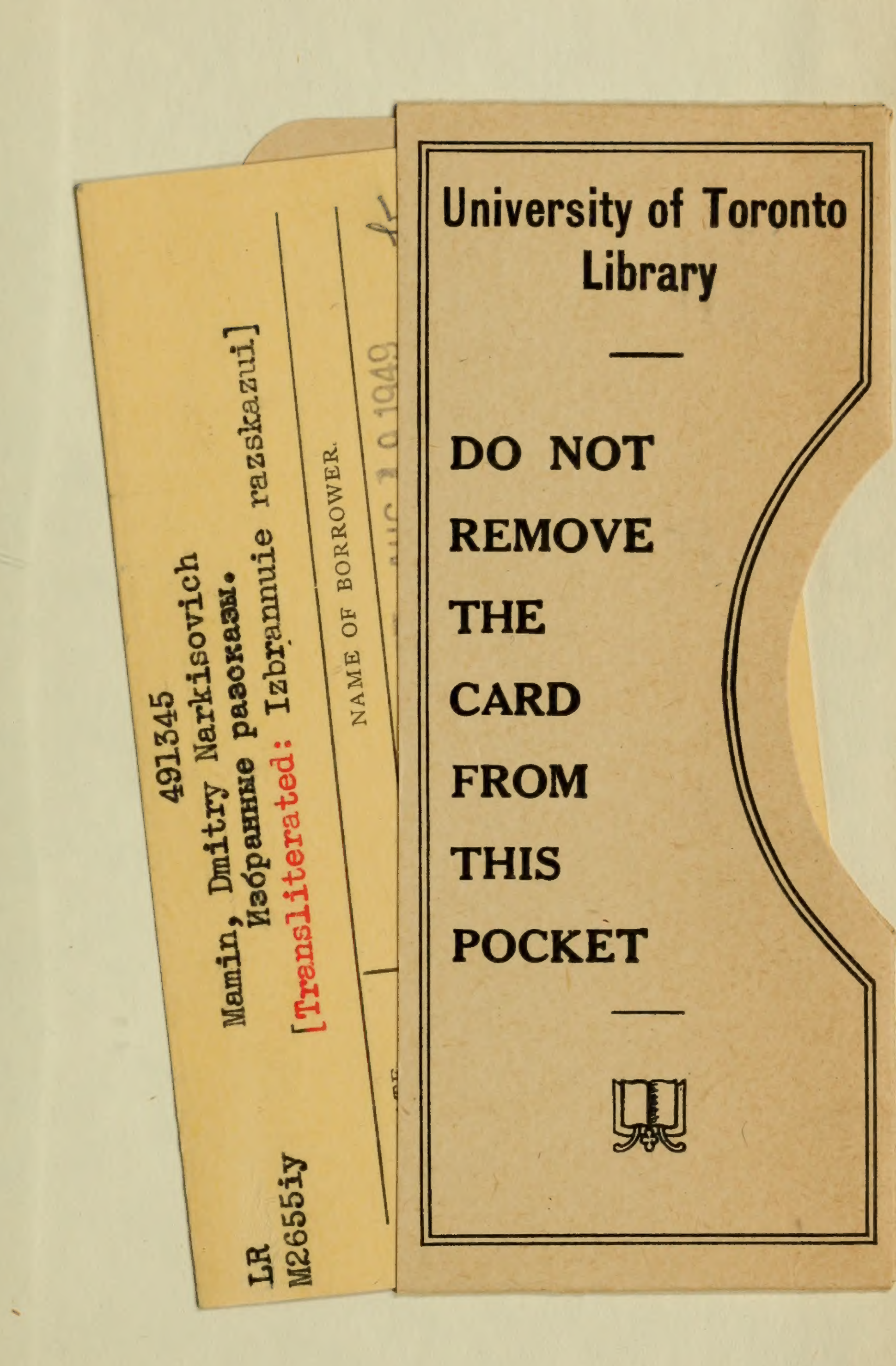
У бѣднаго Левдика оказалось тихое помѣшательство. Онъ точно забылъ все свое прошлое, а отъ прежнихъ привычекъ осталась одна—каждое утро ходить на рынокъ.

— Вѣдь вотъ, поди-жъ ты, тоже чувствуетъ,—удивлялся Провъ Силантьичъ, когда мимо него проходилъ сумасшедшій Монетка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET
491345
Mamin, Dmitry Narkisovich
Избранные разсказы.
[Transliterated: Izbrannuie razskazui]
NAME OF BORROWER.